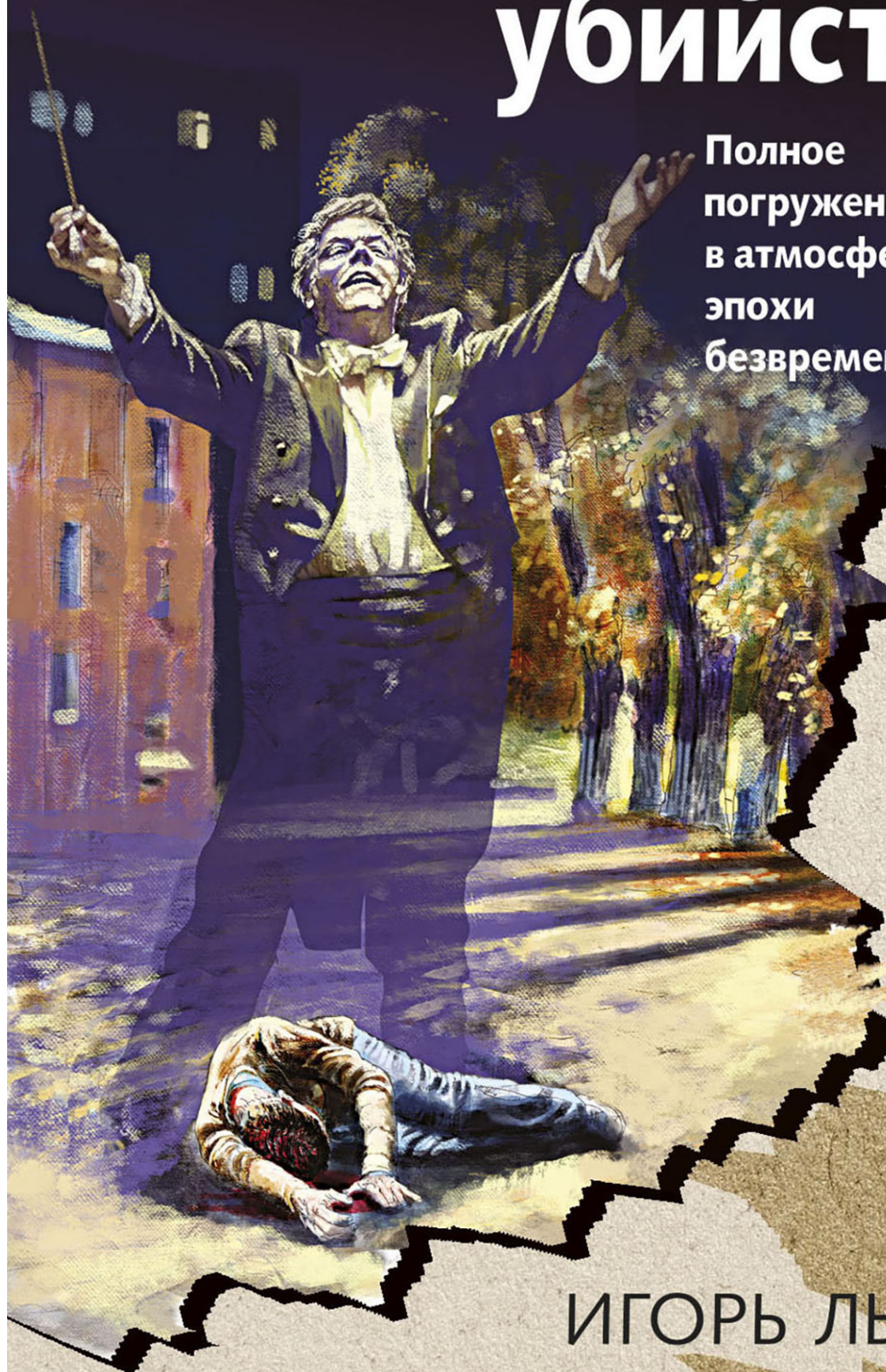

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Симфония убийства

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи
безвременья

ИГОРЬ ЛЫСОВ

Детектив-ностальгия

Игорь Лысов

Симфония убийства

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лысов И.

Симфония убийства / И. Лысов — «Эксмо», 2021 — (Детектив-ностальгия)

ISBN 978-5-04-159547-0

Дирижер симфонического оркестра Виктор Силов и подумать не мог, что однажды выдаст себя за... профессионального киллера. И не просто выдаст, а выполнит конкретный заказ и убьет человека. Потом еще одного и еще... Постепенно скромный с виду маэстро стал настоящим преступником. Сыщики сбились с ног, разыскивая жестокого убийцу, пока начальник УВД полковник Игнатьев случайно не познакомился с Силовым лично. Чтобы понять мотивы преступлений и изобличить безжалостного злодея, Игнатьеву пришлось на время принять сторону кровавого дирижера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159547-0

© Лысов И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Роман в двух частях, с эпилогом	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Владимирович Лысов

Симфония убийства

© Лысов И.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Роман в двух частях, с эпилогом

Только бы жить, жить и жить!
Как бы ни жить – только жить!.. Экая правда!
Господи, какая правда! Подлец человек!
И подлец тот, кто его за это подлецом называет.
Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»

Часть первая Pro

Глава первая

I

Силов устал жить. Это он сам сказал: «Устал, блин... Устал жить». Ну, не совсем, конечно, устал... До этого он еще не додумался – рановато, видимо. А просто устал – и все.

Случилось это не в одно мгновение. Да такого и быть не может – бац, и сразу устал. Все это происходило постепенно, медленно, сразу и не заметишь. Год назад или около этого Силону вдруг захотелось стать новым русским. Новым беззаботным русским, как он это понимал. Новые русские давно уже кончились, но понятие это еще было живо и даже употребимо в специальных разговорах. Когда на кухне совершенно неожиданно, но очень естественно речь заходила о жизни, о смысле ее, то есть обо всем таком, ради чего специально-то и не соберешь людей...

Решив стать новым русским, Силов первым делом обновил жену. Прежнюю, Людмилу, он оставил в квартире с маленьким балконом, двумя детьми, мебелью, велосипедом и кошкой Тиной. С собой он взял только личные вещи, телевизор и машину. Машина, впрочем, и не обсуждалась – на ней, кроме Силова, и ездить никто не мог – рухлядь праворульная. Да и ушел он не как в кино показывают – хлопнув дверью – нет! Жена высказалась просто и коротко: «Вали-ка ты, Силов, и без тебя проживем...»

Силов и свалил. В маленькую квартиру, оставшуюся после матери, которую уже месяца три как не могли сдать – желающих не было. Квартира была крохотная, но зато обжитая. Там он принимал молоденькую Лизу, педикюршу из «Дома красоты» – свою новую жену, не расписанную пока еще с ним, но уже готовую к этому. Регистрация брака была назначена на ближайшую пятницу и прошла тихо для всех, включая и молодоженов. У Лизы было огромное достоинство перед Людмилой – она была моложе лет на двадцать. Если не больше. Внешне уж точно больше. Это преимущество сыграло огромную роль – рядом с Лизой Силов чувствовал себя богатой личностью. Нет, она совсем не была куклой. Но разница в опыте сказывалась, к тому же Лиза выросла без отца, и ей совсем не хотелось быть главной, сильной, похожей на свою мать женщиной. Ей очень хотелось быть маленькой, послушной, даже чересчур послушной. Это Силова привлекало – он с удовольствием играл в командира, хозяина, начальника, отца... И чем больше он был безапелляционным, тем сильнее Лиза погружалась в то интимное послушание, которое доводит мужчин до тихой бешеной радости – Силов не стеснялся ни одного своего мужского желания. Попробовав все, или почти все, что только было возможно в его фантазиях, он остановился на безобидном телевизоре с утренними развлечениями для домохозяек. Для этого он специально просыпался на полчаса-час раньше, выпивал стакан воды и включал телевизор. Найдя программу, которая его не раздражала, Силов ложился снова в кровать, закуривал, делал две затяжки, поскольку девушка не выносила табачного дыма, тушил сигарету и молча будил Лизу. Новая жена, не открывая глаз, прижималась к Силону и медленно губами проверяла каждую клеточку его тела. Делала она это уверенно и спокойно. Силов иногда приподнимал голову и смотрел на Лизу: та была занята своим делом и совсем не реагировала на проверочные поглаживания. Для нее существовало только одно – она сама и ее ласка. Но Виктор чувствовал больше, чем какое-то там наслаждение. Лиза была скрипкой, которая

могла играть сама по себе – если слышать эту музыку, а Силов слышал. Появлялось еще одно (да и не одно) чувство вдохновенного секса. Не секса потного, утробного, дышащего или даже стонущего, нет. Секса тихого, когда тело находится в каком-то облаке, а сознание только фиксирует это и остается свободным – музыка гуляет по всему человеку-мужчине. Музыка, которая никогда и никем не была написана. Она принадлежала только Силову и той скрипке, которая не понимала, какой же она все-таки инструмент.

Прежняя, Людмила, никогда не была ничем тонким или музыкальным, если уж и сравнить ее с Лизой, то, кроме ритмичного «ум-ца-ца, ум-ца-ца», ничего Людмилу с музыкой не связывало. Она была прекрасной хозяйкой, товарищем, матерью и так далее... мелодии в ней не было. В Лизе же не было никакой хозяйки – была сама Лиза-скрипка, и все. Это и делало Силова счастливым.

Неожиданно для самого себя он тоже прирадовался к подобным ласкам. Просто уходил в себя – «улетал», как он однажды высказался. В такие минуты-часы его ничего не тревожило – ни жизнь, ни работа, ни деньги... Он иногда даже вспоминал «живите, как птицы», но потом сам же и стеснялся этого воспоминания; уж больно некстати оно приходило. Силов гнал от себя эту цитату и, чтобы отвлечься, начинал думать о работе. Это уже не мешало заниматься тем же, чем увлекалась и Лиза по утрам под сигаретный дым и щебетанье из телевизора.

Силов служил в местном музыкальном театре дирижером. Радости это особой не приносило. Небольшая зарплата, три-четыре занятых вечера в неделю, и все. Ну, еще два раза в год утренние репетиции по полтора месяца. Сам театр обслуживал директрису, ее амбиции и пионерско-комсомольские, от прошлой должности, ценности. Иногда театр прогибался и под художественного руководителя-режиссера, но под Силова – никогда. Эти две сволочи – худрук и директриса – съедали Силова в пять минут, он плелся домой или в ресторан Дома актера залить огонь недовольства маленькой рюмочкой коньяка и полулитровой кружкой местного пивка с неизменной селедкой под шубой, которую подавали в квадратной формочке, укрытой пленкой...

Оркестрантов и тем более оркестранток он интеллигентно ненавидел. Даже в мгновения собственных срывов Силов молча останавливал оркестр и после продолжительного взгляда произносил просто и негромко: «Тут диз, мужчина-музыкант...» Разговаривать подробнее или даже крикнуть ему было презрительно противно. Еще в консерватории, студентом, он распознал эту касту – будущих музыкантов оркестра. Абсолютно без амбиций, скрипачи-валторнисты ходили на все лекции и тупо слушали, иногда даже очень увлеченных, преподавателей. После обеда начинались профессиональные пары, и три-четыре часа все эти маэстро выводили хором музыку, которая в партитуре звучала иначе – там она звучала божественно. А молодой Силов запирался у себя в общаге с талмудом нот и погружался в мир, который был слышен только ему. Вот в такие минуты, которые давно уже прошли и практически бесследно, вот в такие минуты юный Силов был красив, невесом и предельно художественен. Музыку он понимал биологически, изнутри, без всякой логики и эмоционального объяснения ее – он ее слышал, и все.

Театр расставил все на свои места – если исключить оркестр и вокалистов, то в нем служили и не бездарные люди – худрук, директриса, заведующий музыкальной частью, старший машинист сцены... Особенно главный хормейстер – это была милая женщина шестидесяти лет, ухоженная, красивая, маленькая, предельно образованная и тихая. Звали ее в театре Полпорции, скорее всего, за миниатюрность. Она была единственной в театре, кто понимал дирижерство. Силов ей доверял – забегал в кабинет к ней, получал конфетку и коньячок, молчал и тихо отпотевал душой.

Были, были в театре люди, были... Но какая-то заноза угнетала этих людей: публика, министерство, безденежье, репертуар, наполовину урезанный – на полный оркестр денег не

хватало. Мечта дирижировать оркестром в сто человек иссякла давно – на улице Силлов уже ничем не отличался от рядом идущих на производство людей. Разве что поток на фабрики был активен в те часы, когда он еще спал. В его же время улица была поразноцветнее, но не больше.

Виктор, а Силлов был Виктором, частенько сходил с тропы на работу и садился на скамейку анализировать движение себе подобных. Скорее всего, именно в такие смотрины и стало приходить сознание: «Блин, устал...» Или, что было уже точно процитировано: «Устал, блин... Устал жить».

II

Лизины утренние программы делали для Силова главное: театральная тоска уходила на дальний план, а то и вовсе исчезала. Вечерами Лиза работала допоздна, а Виктор умудрялся в это же время дирижировать «инвалидами с инструментами», как он выражался внутри себя, и одновременно слышать ту музыку, что была зафиксирована типографией в партитуре. После спектакля он шел в Дом актера, где традиционно пил пиво с селедкой под шубой и уже под занавес хлопал рюмку коньяка, которую приносили с самого начала. Коньяк, совсем немного коньяка, был кодой еще одного дня. Если же в ресторан заходили артисты по случаю премьеры или дня рождения, то Силлов сидел дольше и слушал под караоке любимые песни народа – тут дарование вокалистов оказывалось на месте... Очарование простой историей и совсем банальной гармонией доводило поющего до настоящего чувства – у певца слезы текли, голос вздрагивал в нужный момент. Посетители слушали – мир, казалось, идеален и вечен. Верди, любимый Верди исчезал из Силова, но Виктор и не сопротивлялся. Невозможно сопротивляться искреннему, пусть даже предельно избитому ощущению сентиментальности человеческой судьбы... Но как только смолкало народное и искреннее, возвращался Верди, укоризной смотрел на Силова, который уже шел домой с очередной порцией усталости...

Дома, выпив кофе, ложился спать. Это было традицией – кофе на ночь. Лиза еще работала – мало кого интересовал театр, больше заботились о внешнем виде. Виктор засыпал быстро – ворочался минуты три, не больше. Поза выбиралась тщательно: поняв, что так не заснет, Силлов поворачивался и проверял следующее положение. Три-четыре раза повертевшись, он засыпал крепко и мгновенно.

Часа через два он просыпался – первый сон от пива и коньяка отпускал дирижера, и Виктор несколько минут лежал с полуоткрытыми глазами. Он наблюдал за Лизой, которая смотрела ужастики – телевидение не показывало ничего в это время, – поэтому девушка приспособилась отыскивать в Интернете фильмы со всякими вурдалаками и маньяками и смотрела их через ноутбук. Почему ее интересовали эти кровожадные монстры, Виктор не понимал. Он просто наблюдал за ней. Лиза сидела на краешке кровати в мужской рубашке, Силлов сразу же повыкидывал все ночнушки жены, и вздрагивала при каждом долби-звуке, тихо-тихо улыбалась сама себе.

Виктор молча забирал пульт из рук Лизы и выключал телевизор. Девушка забиралась под одеяло, но так, чтобы рассмотреть или, по крайней мере, расслышать конец фильма, который продолжал шокировать ночную комнату уже из ноутбука. Поэтому очки она не снимала, а Виктору это очень нравилось. Он не мешал Лизе – у него было свое развлечение. Расстегнув рубашку, Силлов превращал Лизу в любимый гаджет, который не выпускают из рук. У него были любимые места, и он даже сознательно обходил их стороной, оставляя на самое вкусное. В его движениях был какой-то сложный ритм – губы и пальцы двигались в такт музыке – он «дирижировал» свое самое сокровенное... Так Виктор засыпал во второй раз, и теперь уже до самого утра.

III

Все-таки беззаботность дирижера не привела его к бессмысленному спокойствию и взгляду на жизнь от имени нового русского. Виктор все чаще и чаще безразлично смотрел на новую жену – спасение ее молодости превращалось в обыденность. Лиза жила тихо, безропотно – она и не была женой Силову в прямом смысле этого слова. Не скандалила, не командовала, не старалась создать очаг – очарование у Силова прошло. Надоела, что ли, игрушка... Что делать дальше – он не знал. Лиза же приняла эту растерянность мужа как закон – стойко, спокойно. Иногда, когда Виктор неожиданно возвращался к мужскому интересу, Лиза отзывалась мгновенно и качественно. Можно сказать, что она могла бы стать мечтой любого мужчины – применение себя в любом качестве девушка принимала как само собой разумеющееся. Она была музыкой... Прекрасной, страстной, высокой и неземной – она не давалась простой разгадке...

Это и выбило Силова: сам того не подозревая, он ожидал от Лизы еще чего-то. Чего-то такого, что отбило бы у него охоту размышлять о своей усталости. Подсказывать он не собирался, даже не думал об этом – скорее всего, сам не осознавал, что же он хочет от Лизы... А Лиза, как это уже стало понятно, и не собиралась менять мир мужа в своем понимании. Было ли это понимание у нее или не было вовсе – неизвестно.

А тут еще подоспел праздник – пятидесятилетний юбилей. В театре после спектакля, уже на поклоне, вышла администраторша с букетом цветов в корзинке, и по трансляции, и в зрительном зале, пронеслось:

– Сегодня коллектив театра поздравляет нашего любимого дирижера с юбилеем и желает ему дальнейшего творческого успеха и процветания!

Голос актера, который перед каждым спектаклем просил зрителей отключить мобильные телефоны, теперь не сильно изменился в поздравлении, просто от сути самого объявления аплодисменты в зале слегка усилились и тут же стихли, как только Сиров, откланявшись трижды, нырнул в свою яму. Там уже было пусто, и только худенькая скрипачка все еще собирала свои ноты:

– Поздравляю, Виктор Викторович...

У гримерки стояла директриса, покрытая аллергенными пятнами и напоминающая перезревшую помидорку, с конвертом в руках.

– Это вам, маэстро, от администрации театра. Немного, конечно, но профком дал добро на повышенную сумму. Так что поздравляю вас, Виктор Викторович, вы еще у нас очень огого! Так держать...

В гримерке уже звенел мобильный, и Сиров скрылся за дверью. Звонил худрук с предложением заглянуть к нему в кабинет: «Так сказать, по приятному случаю». Виктор переоделся – снял фрак и поменял его на черную майку... Все, что не имело воротника, идеально подходило Силову – майки, гимнастерки, френчи. На гримерном столике вставленная в зеркало фотография десятилетней давности тоже демонстрировала поразительную гармонию Виктора и френча. Сиров посмотрел на карточку: черный ежик – это единственное, что отличало фотографию от отражения в зеркале. Нет, ежик был прежним, но сейчас он был уже не черным, а, как принято говорить в среде владельцев шнауцеров, перец с солью. И, черт возьми, это было красиво, словно талантливый художник рассыпал ртуть по темному ворсу... Все остальное, как и десять лет назад: ямочки на щеках, легкий квадрат скул, взгляд. Даже три морщины, пересекающие лоб, остались теми же. Время не трогало Силова. Ежик не в счет – он просто стал красивее... Виктор вспомнил, что сегодня все-таки юбилей, и поменял майку на черную рубашку, которая висела в гримерной на разные случаи жизни. В рубашке он тоже был хорош.

В кабинете, кроме худрука, никого не было, но на столе стояли два бокала и тарелка с конфетами. Сам худрук, согнувшись, вытаскивал из нижнего ящика стола початую бутылку коньяка.

– Витя, проходи... Давай, по слегка, за твои молодые годы. Будь здоров и приноси пользу волшебному миру музыки театра.

Выпили и даже покурили, стоя у окна. Обсудили беременную арфу, которую увезли в роддом и больше в городе нет никого. И где брать, непонятно. Тащить откуда-то – на такую зарплату!.. Еще раз выпили – город за окном постепенно замирал, мигая на прощание светофорами. Худрук еще что-то говорил о планах на сезон, Виктор кивал и даже реагировал, более-менее, в такт смыслу того, что называлось планами... Будет прекрасная современная вещь талантливого питерского композитора, будет детское название и, конечно же, песни прошлого – классика и эстрада. Все это у худрука уже собрано, сценарий почти готов – будет бомба, и народ повалит. Дирижировать песни Силову никак не хотелось, но высказаться вслух об этом ему хотелось еще меньше...

Худрук говорил, город остывал, а Виктор был уже в своих мыслях, в старых знакомых мыслях, которые давно появились и которые только на время попрятались – когда появилась игрушка Лиза...

В общем, Силов устал. И сейчас он плелся в Дом актера за своей селедкой под шубой... Ресторан уже не гудел, но и закрываться не собирался. К этому времени артисты, прочие лица художественности уже исчезали в большинстве своем, появлялись же, как метко сказано кем-то, «кто-то из публики». Эти «кто-то из публики» забредали сюда только потому, что приличные рестораны уже закрывались, а догулять очень хотелось. Ресторан Дома актера на этом и держался: демократичное обслуживание, цены, не закрывались почти до отбоя – публика его любила. Тут можно было раствориться или, совсем наоборот, оказаться всеобщим любимцем вечера.

Виктор расположился почти в центре: его любимое место у пальмы было занято «кем-то из публики», у которой своего места тут никогда не было, да и быть не могло. В такие часы сюда приходили впервые и на один раз. Приходили допить и договорить, а больше от ресторана в этом состоянии и не требовалось...

Силов дождался официантку Лиду и заказал целую бутылку коньяка. Официантка была огромного роста, почти с баскетболистку.

– Случилось что, Витя Витевич? – С Лидой он был знаком уже лет пять, а то и шесть.

– Случилось, только давно уже... Пятьдесят лет назад.

– Ни фиги се! Я думала, тебе лет сорок, ну – сорок два... Поздравляю! Так и быть, лимон от заведения... Есть будешь что? Все-таки бутылка!

– Лимон... от заведения буду.

Лида ушла, и Силов вдруг понял, что на этом месте в центре зала он совсем не сможет покурить. А там, на его привычном месте, под пальмами можно было укрыться и, приоткрыв окно, тихонько подышать, не напрягая ни посетителей, ни завсегдатаев, ни официальных лиц. Виктор осмотрелся – на его месте сидел мужичок «из публики», круглым лицом уставившись в телефон. Красная мордень блестела у самого носа синим сиянием экрана смартфона. Мужик, не мигая, смотрел на этот экран, изредка двигая по нему пальцем. Иногда он вертел телефоном, как это делают в тех случаях, когда рассматривают горизонтальные фотографии во весь экран. Мобильник был приставлен к тарелке, так удобнее смотреть: на тарелке лежали остатки салата и кусок хлеба. Трехсотграммовый графин был пуст. Мужчина давно поел и теперь просто развлекал себя соцсетями – другой версии Силов не придумал. Он особо и не старался: ему было обидно, что этот круглолицый занял его место без всякой на то надобности, и ему, Силову, теперь придется выходить на улицу с каждой сигаретой... И это в свой юбилей!

Лида принесла коньяк, лимон и зачем-то еще сыра, нарезанного кубиками.

– Закуси хоть немного. С бутылки знаешь что утром будет? А случись что – и вечером начнется...

Силов улыбнулся и потянул Лиду за рукав:

– Лида, переседи меня на мое место, а этого мужичка сюда! Ему все равно, а я пыхну втихомолку...

Лида пошла узнавать. Мужчина встрепенулся и торопливо и даже пугливо прикрыл телефон обеими руками. Официантка что-то говорила ему, показывая на Силова, мужчина слушал внимательно, продолжая сидеть как прилежный школьник за партой. Лида замолчала – мужичок не отвечал, красное лицо не выдавало ни одной мысли. Он просто смотрел на официантку. Выждав паузу, она еще раз повторила свою просьбу, повторила и движения рук в сторону Силова. Мужчина молчал... Лида пошла к себе в закулисы ресторана, попутно выразительно пожав плечами, глядя на Виктора. Кругло- и краснолицый перевернул телефон, сунул его во внутренний карман пиджака, подтянул к себе тарелку, рюмку, пустой графин, шумно встал и пошел к Силову. У столика Виктора покрутил тарелкой вокруг графина – знак был достаточно ясен: меняемся...

Силов поднялся, буркнул: «Спасибо», взял свою бутылку с коньяком и грамм сто вылил в графинчик «кого-то из публики». Тот ничего не сказал и, кажется, даже внимания не обратил. Но Виктора это не интересовало. Перебравшись на свое законное место, он выпил, предварительно подержав перед лицом бокал, развернул немного пальму, спрятал лицо за листья и закурил, стряхивая пепел в цветочную кадку. Настроение улучшилось... Легкое возбуждение самоуверенности проскочило по телу Силова – стало необъяснимо легко и безответственно.

Приоткрыв мутное от пыли-грязи окно, Виктор смотрел в черную с огнями улицу. Красный и зеленый глаз светофора уже сменился на ядовито мигающий желтый, и только синехолодные миндалины уличных фонарей разбавляли эту черно-желтую саламандру – улицу. Силов затаился и выставил рот с дымом в щель окна... М-да, полтинник...

Он не пугался своей мысли, нет. Никакого полтинника Виктор не чувствовал. Устал же он не от своего возраста, а от вынужденного смирения пожившего человека перед фактом: ни одна минута не соответствовала тому, что принято называть полноценной жизнью.

Силов знал, что жизнь устроена по каким-то законам, которые и делают саму эту жизнь невыносимой. Когда-то в детстве, в советские и перестроечные школьные годы, когда еще изучали диалектический материализм, учительница заставляла читать «Капитал» Маркса. Советская фанатичка была умна, остроумна, что магически действовало на школьников: все без исключения отчитывались учительнице знанием «Капитала». Юный Силов, как и все, читал этот «Капитал», ничего не понимая, ничего и не пытаясь понять – он просто читал и все. Два раза в неделю урок обществоведения проходил в отчаянных попытках юных людей рассказать ту или иную главу идиотской книги. Фанатичка комментировала через каждое предложение – попытка добиралась и до тех, кто просто слушал. «Что имеется в виду?» – кричала учительница и пальцем указывала жертву своего вопроса.

Силов читал и читал – до потери всякого взаимодействия с реальностью. Он не понимал ничего, но страх перед пыткой заставлял его перечитывать еще и еще раз... Однажды он прочел фразу, которую вспомнил сейчас, сидя под пальмой и которую тогда юный Силов вдруг почувствовал как самое важное из всего ужасного текста Маркса. Фраза была простой и на протяжении жизни слышалась часто по поводу или без него – просто звучала как магическая формула непонятного или неприятного. «Единство и борьба противоположностей!» Вот она, сука-фраза-мысль, которая, как потом выяснилось, определяла смысл и назначала суть жизни!

Почему это сейчас вспомнилось Силову? Уж не потому ли, что тогда, тридцать пять лет назад, это единство взорвало все, что находилось в голове пятнадцатилетнего, испуганного фанатичкой мальчишки. Как это? Единство противоположностей! Как это? Борьба этого единства! Ни тогда, ни сейчас Виктор не понимал казуистики этого выражения. Но позже он дога-

дался, что именно в нем, в этом выражении, заключено что-то настоящее. Такое настоящее, которому невозможно сопротивляться. Силон не сопротивлялся: в юности – по причине отсутствия хоть малейшего понимания важности вопроса, а сейчас – в силу осознанного несогласия: уж не считать ли единством директрису и себя, чтобы потом в этом разбираться и еще бороться?

Сейчас, вливая в себя коньяк, он знал, что еще совсем молод, жаден и ненасытен... И весь процесс одинокого юбилея под пальмой такой получился только потому, что ему уже пятьдесят, потому что уже существует усталый театр в голове и в оркестровой яме, потому что ничего не хочется, кроме жажды чего-то хотеть...

Но, как это ни странно, общечеловеческое страдание не давило на Силова – он тихо улыбался самому себе и с удовольствием рассматривал улицу, вслушивался в караоке нетрезвых певиц – ничего его не раздражало, не пугало, не давило. Ему хотелось принять все это однажды и разом – принять так, как это есть, и оказаться в абсолютном единстве с этой противоположностью. Силон даже положил себе с завтрашнего дня принимать все, что происходит с ним, – принимать с радостью в этом идиотском единстве противоположностей и без всякой борьбы.

Выкопав другим концом вилки в пальмовой кадке ямку для окурка, он похоронил в ней свою усталость, хандру, новорусскость. Тщательно засыпав окурки, Виктор Силон, почти счастливый Виктор Силон, потянулся за коньяком и оглядел ресторанный зал...

IV

Перед ним сидел тот самый круглолицый и что-то говорил. В своих новых и розовых соображениях Виктор не расслышал его голоса, не заметил самого мужчины, давно сидящего рядом. Силон даже вздрогнул... Мужик виновато улыбнулся и стал показывать под стол. Даже сам согнулся всем грузным телом, чтобы удостовериться – правильно ли он показывает. Под столом лежал выдавший виды портфель, в прошлом шикарный, на двух ременных застежках, с накладными карманами. Сейчас же, потертый временем и давками в транспорте, он лежал на полу, прислонившись к ножке стола, – лежал, безропотно дожидаясь своего хозяина. Несмотря на свое высокое происхождение, сегодня портфель мог вызвать даже некоторую брезгливость – интереса к нему проявить было невозможно ни при каких обстоятельствах.

– Извините, я хотел бы забрать свой портфель, – мужчина наконец-то объяснил свое появление за столиком Силова.

Виктор тоже заглянул под стол: «Забирайте!» Он все еще сидел в некотором оцепенении – неожиданное появление мужчины у своего столика сбивало Силова с тех прекрасных мыслей, которыми он уже полчаса наполнял себя, устраивая новую и беззаботную жизнь.

– Выпьем? – Предложение круглолицего было настолько искренним, что Силон с радостью согласился. Вот она – эта новая реальность, которую надо принять, полюбить и жить в ней, как рыба в воде!

В графине мужчины была водка, и Виктор налил себе коньяку из своей бутылки. Предложил коньяк и собеседнику – тот согласился, и Силон налил в рюмку красномордого коньяку. Молча чокнулись, одним глотком каждый вылил в себя коньяк, после чего сосед, налив в опустевшую рюмку водки, также одним глотком проглотил и ее чуть ли не вместе с рюмкой.

– Коньяк люблю, но послевкусие не могу вытерпеть. Водка лучше...

– Больше не наливаю, – Силон удивился такому организму круглолицего.

– Николай!

– Виктор Силон, – по давно уже затвердевшей привычке ответил Виктор и протянул руку.

Рука любителя запивать коньяк водкой была пухлой и очень потной. Пожав руку, Силон полез в карман за сигаретами и там, под столом, вытер ладонь о штаны. Даже немного помахал ею, чтобы не чувствовать влажность, от которой внутри просто тошнило.

Сигареты лежали в другом кармане, но Виктор потянул левой рукой полу пиджака так, чтобы правой продолжать искать сигареты, тем самым подольше держать ее под столом, вытирая об одежду, чтобы полностью избавиться от отвратительного ощущения. Вытащив пачку, достал левой рукой сигарету, правую он все еще не мог использовать, прикурил, откинувшись за пальму. Правую руку засунул в карман брюк...

Николай ничего этого не заметил, ему и в голову не приходило, что простое рукопожатие может вызвать какие-то чувства, побочные обычному социальному жесту. Силлов еще раз внимательно посмотрел на потного. Он брезговал подобными людьми, а Николай еще был не только с потными руками, но и с изъеденным в прошлом угрями лицом, изрытым и красным... Никакой симпатии такая внешность не вызывала.

– Вот, Виктор Силлов, перед тобой сидит профессиональный мудак! – Николай для наглядности откинулся на спинку стула и слегка отмахивался от остатков сигаретного дыма, который проник из-за пальмы.

– Мудак? – лениво удивился Силлов.

– Ну, ладно... Лох!

– А может, действительно мудак, – Силлов еще раз лениво удивился, но уже не выказав ни словом, ни лицом свое открытие... – «Ну, надо же так обращаться – Виктор Силлов!»

– Вот сколько мне лет? – Николай оперся локтями на стол и повертел головой, чтобы можно было рассмотреть возраст подробнее.

Виктор выглянул из-за пальмы и уставился на Николая. Слегка влажное лицо смотрело на Силова – морщин не было: у колобков морщин не бывает... Но глаза были выцветшими, старыми и бегали влево-вправо быстро и нервно.

– Ровесник, – подумал юбиляр и слегка заскучал. – Вот так и на меня смотрит, наверное, молодежь... – Ну, сороковник – сорок пять. – Силлов если и сбросил, то совсем немного, года два.

– Вот! А мы с тобой, может, и ровесники... Тридцать семь... будет в сентябре!

– Старая Дева, – чуть было не вылетело из Силова, но ленивое состояние и вновь возникшая радость от признания его внешней молодости удержали Виктора от уже явной оплеухи. Лох-мудак и без этого был удручен своим состоянием. И, конечно же, свои пятьдесят он открывать Николаю не собирался.

Виктор оглядел бесконечно знакомый ресторан Дома актера. Конечно, никакой это был не ресторан Дома актера – всего лишь аренда. Советские времена закончились – ресторан тогда закрылся, работать было уже невозможно. Какой-то алчущий режиссер попытался устроить здесь свой театрик, но прогорел, хотя сама аренда была исключительно символической. Потом поменялся начальник – и ресторан, правда арендный, вернулся. И вернулся уже в другом качестве – дешевое меню, работал до бесконечности, изыском обслуживания отмечен не был. Но после часу-двух ночи бывали случаи, когда в этом ресторане не протолкнуться. Ну и утром похмелье можно поправить тут, если заранее не приготовить. Аренду начальник не поднимал – все привыкли, и ресторан даже стал совершенствоваться. Дико модный дизайн московских общепитов на крайних станциях метро стал стилем совершенствования – оранжевые пластиковые стулья и белые круглые столы. Почему-то зеленые кадки для пальм и каких-то мелко-листных растений – вот, собственно, и весь дизайн. Одну из стен спрятали за десятком фотографий – тут тебе и Париж, и природа, и любимый город... Любимый, конечно, состоял из церквей, разлитых по городу в неисчислимом количестве, и ночных фотографий, когда все красиво, потому что темно и изредка ярко.

– Да, старая Дева! – Деву, конечно, Силлов приплел сюда из-за сентября. Будучи Близнецом, он высмеивал все остальные знаки (когда-то давно завелся роман с астрологичкой, которая развлекала Виктора после утех разными знаниями, запретными при прежней идеологии отечественного мышления).

Положив себе принимать жизнь полностью и с радостью, Виктор потушил сигарету в очередную могилку и пытливо-радостно смотрел на лоха Николая...

– А что случилось?

Николай полез во внутренний карман пиджака, вытащил телефон, рассекретил его хитрым кодом с третьей попытки, порывшись во внутренностях мобильного и протянул смартфон Силову:

– На!

– В смысле?

– В смысле смотри – это уже не тайна! Все сам поймешь...

Силов взял телефон: какие-то селфи интимного состояния женщины и затылка ее партнера.

– Ты листай, листай!

Силов листнул... Довольное и взволнованное женское лицо получало удовольствие и, вероятно, сознательно фиксировало все это... Кроме лица женщины, кусочка носа и вкусно небритой щеки партнера больше ничего не было.

– На хера ты мне это показываешь?

– Это моя жена!

– А мужик?

– А мужик – это не я!

Силов отдал телефон и потянулся за сигаретой. Николаю стало жаль – не потому, что ему жена изменяет, совсем нет. А стало жаль человека, который носит в телефоне такие фотографии счастливой жены.

– У нее скачал незаметно...

Стало не столько жалко, сколько противно. Ковыряться в чужом телефоне для Силова было верхом омерзения. Виктор хотел было высказать лоху что-то отвратительно оскорбительное, но спохватился – он уже как час-полтора живет новой жизнью и принимает все подряд «без борьбы»... Закурив, он снова спрятался за пальму и дымил в щелку открытого окна. Николай налил себе водки, коньяк Виктору и, чокнув стоящий бокал Силова, влил в круглый рот содержимое рюмки. Город стих окончательно, уличные фонари зачем-то притушили – стало темно и тоскливо.

– А мне зачем ты это показываешь? – спросил Силов, не отрываясь от оконной щели.

– Как мужик мужику... и все! – Виктор не повернулся, Николай украдкой хватанул кусочек сыра... Ну, если смог копаться в телефоне жены, то сыр – это детская шалость!

– Я в этом не специалист. – Силов решил иначе коротать вечер с телефонным соглада-таем. – Я не привязываю к себе никого и сам не привязываюсь...

В этом была правда, скажем так, полуправда. Лиза-то привязалась. Но привязалась самостоятельно, сам Виктор ничего особенного не делал, не увлекал, не давал надежд. Как запоздалый, но все-таки новый русский он был жарок и холоден только в соответствующие моменты – остальное время занимало молчание и слегка различимое безразличие.

Силов повернулся и, похоронив очередной окуроч, внимательно посмотрел на Николая. Даже поймал себя на мысли, что именно так он смотрит на оркестранта, когда тот в очередной раз издает звук, разрушающий в дирижере гармонию и величие музыки. Это подействовало. Лох кисло улыбнулся и подвинул Виктору бокал невыпитого коньяка. Себе налил водки, которую незаметно принесла официантка... Выпили не чокаясь, а слегка отсалютовали друг другу посудой. Силов, в свою очередь, подвинул тарелку с сыром Николаю, а сам поднес к носу дольку лимона и держал ее перед собой, слушая исповедь человека, который самостоятельно определил себя как лоха или мудака. Исповедь Николая, покрытого оспой, оказалась обычной тоской и откровением неудачника в женском вопросе.

– Понимаешь, может, и я не привязывал к себе, у меня это плохо получается, но привязался сам – это точно... Я же любил! Я ее любил с первого курса! С ее первого курса! Я у нее вел дошкольное воспитание. То есть уже лет десять! А женаты мы шесть. Понимаешь, мне не нужна была женщина... Ну, в обычном понимании – встречаться, сношаться, расходиться... Я искал мать моих будущих детей! И Светка была единственной студенткой, кто ходил на все лекции. Тем более что я заранее всем сказал, что буду ставить автоматом. А ради нее я даже программу изменил – искал примеры, исследования новые. Это сейчас уже можно найти в Интернете немецкие и финские опыты. А тогда это никому на хер не нужно было, а она слушала и записывала. Когда рассказывал, ну пересказывал, истории из Диккенса, Светка плакала – они, кстати, до меня и не знали, что у Диккенса есть такое. Не читали они ни фиги! Вообще!

Силов перестал нюхать лимон и достал сигарету. Но прикуривать ее не захотел, а держал во рту для имитации. Николай налил водки и потянулся за коньяком для Виктора. Силов отказался, помахав ладонью. Несчастный настаивать не стал. Выпил, съел сыр и продолжал:

– Однажды она вообще пришла ко мне одна. То ли праздник какой был, то ли всех погнали куда-то на встречу с шишкой какой-то, не помню. А она пришла – мы посидели, похихикали, и я ей предложил посмотреть кино. У меня дома. У меня были фильмы – хорошие, настоящие. Она согласилась, мы пошли ко мне. Я включил ей «Амаркорд», ты смотрел?

Силов кивнул.

– Там, конечно, не про дошкольников, но восприятие юного человека там очень сильно показано – на все пофиг, кроме секса... Когда мы смотрели, я понимал, что ей тоже это интересно. И думал, вот она-то и подходит мне!

– Переспали? – Виктор поддержал разговор только затем, чтобы продвинуться дальше в этом рассказе, минуя все эти идиотские переживания.

– Тогда? Нет, ты что! Тогда мы только смотрели, я останавливал фильм и рассказывал ей психологию мальчишек. Ведь это же была практически лекция... Да и потом мы редко это делали – я берег ее для детей...

– Понятно, – стало уже неинтересно. – Педагог?

– Ну да, преподаю в пед. И еще работаю психологом в детском центре. Там деньги неплохие – сейчас это актуально. Особенно у состоятельных родителей. Дети растут, знаешь, как следствие родительского менталитета...

Николай замолчал, потянулся было за водкой. Держа почти пустой графин, спросил:

– А ты что делаешь?

– В смысле? – Силов вдруг очнулся от вопроса.

– Ну, работаешь?

Виктор как-то собрался, потянулся к Николаю, внимательно осмотрел все, что представляло лоха выше стола, потом откинулся за пальму и произнес, слегка растягивая слова:

– Я не работаю... Я вопросы решаю, чувак, – Силов сам не ожидал от себя такого ответа. Но что-то внутри его запрыгало от этой странной игры, захотелось продолжать. Художественной натуре много не надо – маленький импульс, и все изменилось вокруг: перед нами уже не уставший дирижер, а спокойный, вальяжно самоуверенный тип...

– Ты бандит? – Николай подвинулся так близко, что, казалось, влажная ладонь бугристого лица облепила всего Силова.

– Нет, – закуривая, выдавил из себя играющий в какую-то игру Виктор Силов, – не бандит.

– Киллер?

Николай совсем прилип к Силову. Между ними только тонкие пальмовые листья пытались разграничить пространство каждого. Полускрытое ими лицо Николая сейчас глядело в Силова одним глазом и так близко, что можно было разглядеть самого себя в отражении

зрачка... Виктор молчал, держа сигарету за окном. Лох-педагог хотел было еще податься вперед, но уже листья не давали такой возможности:

– Дорого?.. Дорого это стоит?

Силова понесло...

– Полтинник, – он зачем-то придумал именно эту цифру. Хотя пятьдесят – число, которое полностью овладело Силовым в этот день.

– До хера. – Николай уселся на свое место. Молчал, молчал, молча налил остатки водки в рюмку и, не спрашивая, не предлагая составить компанию, самостоятельно выпил.

– До хера? – Силлов улыбнулся, выглянув из-за пальмы.

– Не-не, все нормально. Я понимаю...

Теперь уже Николай сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на Виктора. Так продолжалось еще некоторое время – лох пьянел, трезвел, снова пьянел – это было видно: Николая шатало на стуле, глаза закрывались сами собой. Краснолицый потел, и капельки пота заливались в ямки на лице. Машинально руки его полезли во внутренний карман, достали телефон, сложно рассекретили. Открылись ли глаза у несчастного Николая или нет – непонятно. Но палец пролистывал экран смартфона – по отсвету на носу было заметно, что фотографии менялись. Круглое тело повело в сторону – оно не выдерживало вертикального положения. Еще мгновение – и Николай свалился бы на пол. Силлов потянулся, чтобы удержать за рукав, но тело встрепенулось, глаза открылись, и алкоголь исчез напрочь.

– Убей его, Виктор Силлов! – Николай сидел красный, мокрый и трезвый. Виктор налил себе коньяку и выпил также в одиночку.

Лох полез в портфель, почти с головой ушел в него, перебирая руками содержимое педагогического несессера: брошюры, тетрадки, листочки...

– Вот, – Николай положил стопку денег перед Силовым. – Остальные сразу же как сделаешь...

Перед Силовым лежала месячная зарплата не дирижера, а худрука. Он смотрел на деньги и бледнел. «Что делать дальше? Сказать просто и ясно, что это шутка?»

Теперь и Виктора охватил выпитый коньяк – деньги плыли перед глазами, он зажмурился и снова открыл глаза. Не хватало воздуха...

– Я сейчас. – Силлов с трудом поднялся со стула и медленно пошел к выходу. Холодный воздух окутал все тело, залезая под воротник рубашки. Это было хорошо, очень хорошо. Виктор задыхался глубоко и медленно. Он всегда так делал, когда пьянел, – помогало. И сейчас помогло – надышавшись, Силлов пошел в сторону театра. Он мог пойти в любую другую сторону, просто сейчас это не имело значения – все знакомо, да и от театра до дома три минуты... Шаги участились, Виктор трезвел. Он остановился и оглянулся – никого. Пустая улица, даже машин не было.

Сигареты... Он оставил сигареты на столике! Курить хотелось невероятно – купить сейчас, в это время, невозможно. Проверив еще раз карманы пиджака, Силлов присел на урну – лавочек никогда на этой улице не было и, скорее всего, не будет.

Силлов протрезвел окончательно; разве что голова была тяжелой и непослушной. Она опускалась сама по себе, глаза подло закрывались, хотя Виктор делал все, чтобы восстановить себя и свой рассудок. В конце концов он сдался своему состоянию и даже решил, что так будет лучше. Тело устанет сопротивляться, и он, Силлов, возьмет себя в руки. Вот, уже берет, вот уже становится лучше. Опершись руками о края урны, он встал, нелепо повернулся, придерживаясь одной рукой за мусорную вазу, собрался и, оттолкнувшись от грязной своей поддержки, выпрямился. Все! Силлов вернулся в состояние, которое он контролировал, – стало легко, и обильный пот выступил по всему лицу. Спина тоже была мокрой – организм выкинул тяжесть, хмель, непреодолимую тревогу. Силлов превратился в себя прежнего – он заставил себя улыб-

нуться, глядя в черную витрину какого-то магазина, и убедился – он улыбается. Мгновение – и Виктор абсолютно уверенной походкой зашагал обратно.

V

У ресторана он проскочил входную дверь и быстро мелькнул мимо окон. Николай сидел на своем месте, накрыв деньги обеими руками. Сиров вернулся в ресторан.

– Мало, – бросил он, садясь за столик. – Человек стоит больше...

– С собой у меня нет, поехали ко мне домой. Я дам, сколько ты скажешь.

К Виктору вернулись уверенность, желание принять мир и не бороться, вернулась жажда легкомысленности, приятной бессмысленности и безответственности. Ему хотелось доиграть свою роль, которую случай назначил ему в этот вечер. И вообще, надо что-то делать – самим собой быть противно уже и неинтересно. Пятьдесят лет он только и делал, что был самим собой – не всегда это показывал, не всегда и сам себе открывал настоящие чувства, но это и было по-настоящему «самим собой» Силова. Вот от этого Виктор устал, и к этому возвращаться не хотелось ни при каких обстоятельствах. Сейчас же было все совсем другое – Сиров понимал, что, играя в другую реальность, он действительно может открыть новое и интересное в ней, интересное для самого себя.

Первое устрашающее чувство ушло, давно ушло – еще там, сидя на урне. Теперь он хорошо протрезвел и чувствовал себя даже легче и лучше, чем два-три часа назад, когда только вошел в Дом актера и выпил первый глоток коньяка. Потянулся за бокалом – маленьким глоточком пригубил коньяк. Коньяк был хороший – он медленно стекал по стеклу, оставляя жирные следы, – Сиров покручивал бокал в руках, рассматривая со всех сторон маслянистые следы.

– Не надо... И деньги эти заberi, потом все отдашь, – процедил сквозь зубы киллер-неофит. – А где он живет?

– Кто?

– Мужик твой... Адрес и как выглядит – есть?

– Есть, все есть. Вот он. – Николай подсунул Сирову смартфон, на экране которого была фотография, какие обычно выставляют в фейсбуке. Парень, полная противоположность Николаю, сидел на фоне какого-то памятника с бокалом вина.

– Австрия? – Сиров достал свой мобильный телефон и сфотографировал этого жизнерадостного человека.

– Хрен его знает, наверное. – Николай взял телефон и стал искать адрес.

Виктор еще раз посмотрел на будущую жертву, уже на своем телефоне, поелозил пальцем по экрану и поднес трубку к уху, отвернувшись от Николая. Пауза была долгой – на том конце никто не отвечал. Собственно, и ответить никто не мог – Сиров набрал первые пришедшие в голову и в палец цифры, которые даже при тщательном изучении не напоминали номер телефона.

– Привет, – очень тихо наконец-то произнес кому-то Сиров. – Бери ручку и пиши...

Виктор отодвинул от себя как можно дальше руку с телефоном и повернулся с затихшему рогоносцу:

– Адрес...

Николай сказал адрес, Сиров повторил...

– Сейчас скину фотографию... Вариант В – сроков нет, как сможешь... Ну, как знаешь... Хорошо, я посмотрю сам... Пока.

Виктор легко улыбался и смотрел на Николая, как на ребенка, который мило проштрафился. Тот ждал команды или какого-то решения.

– Деньги свои заberi, и поехали...

– Куда?

– К твоему мужику... Ты расплатился?

– Давно уже, как пересел к тебе... к вам, извините.

Силов отметил это «к вам», его просто распирало от игры, которую он затеял сам для себя. Положив свою тысячу под недопитую бутылку коньяка, игрок и его зритель вышли. Виктор закурил и направился к театру. Николай поплелся за ним. Силов шел героем, он был собран, спокоен и внутренне парил над прежней своей жизнью. У урны, на которой он приходил в себя, притормозил и чему-то улыбнулся своему: «Ни фиги себе, куда дошел!»

Театр стоял на островке-пустыре и напоминал своими угрожающими формами на фоне черного неба банно-прачечный комбинат. Ни одного окна не светилось – всего лишь мрачный склеп для всех попыток произвести на свет музыку, которой гордится человечество. На театр Силов смотрел без всякого трепета или переживания...

Мужчины подошли к нескольким автомобилям, которые пристроились на ночь у театра:

– Правый руль, садись с той стороны, – Виктор щелкнул сигнализацией – фары одобрительно мигнули со всех сторон.

– Ты же выпил, Виктор Силов. – Николай не решался садиться к пьяному водителю.

– А мы медленно поедem и нарушать не будем, садись.

Николай жертвенно сел.

Действительно, ехали не быстро, но уверенно. Район был известен под названием «Живые и мертвые». Еще в советское время там находился один на весь город магазин, где отоваривали по справкам из загса – на свадьбу или на похороны.

Силов протрезвел уже давно и теперь вел машину по навигатору, спокойно стряхивая пепел в приоткрытое окно. Ехали молча – киллер-шулер был очарован своей игрой, Николай же не мог вымолвить ни одного слова. У группы домов, которые при всем уходе жильцов и зелени вокруг все-таки оставались хрущевками – милыми, родными и отвратительными хрущевками, – машина остановилась, и Силов выключил все опознавательные знаки. Что делать дальше, он не знал, но заканчивать так просто начатую игру ему не хотелось.

Первые этажи еще были как-то расцвечены разными вывесками: от молочной кухни до шахматного клуба. Светодиодный синий конь и красный король манили каспаровых и карповых, живущих в этом районе. И, конечно же, без трех аптек да парочки парикмахерских тут тоже не обошлось. Все остальное, что было выше, терялось в темноте неба – ни одного окна, выдающего хоть какую-то жизнь, не было.

– Райончик не фонтанец, – прикуривая очередную сигарету, пробурчал бывший дирижер.

Окно машины было открыто, не холодно, где-то сзади доносился приближающийся мужской гур-гур. В зеркале заднего вида двое мужчин обсуждали какую-то ерунду. Силов курил и наблюдал за этой парочкой, которая приближалась по тротуару прямо к нему. Нетрезвые, но громкие философы прошли мимо машины, как неожиданно один из них оглянулся и встретился глазами с Виктором.

– Оба-на, – обернувшийся дернул своего товарища. Оба смотрели на машину, выискивая повод для незатейливого общения.

– Закурить не найдется?

Силов, понимая смысл вопроса, молча вытряхнул из пачки две сигареты, протянул руку через окно.

– А деньги?

– Наличных нет...

– Поехали снимем?

– Начальник, торгуй бахилами в больничке – не ищи встречи с правильными людьми. –

Силов сказал тихо, но в этой ситуации словно прозвучал гром!

Фразу эту Виктор давно хотел применить – он ее когда-то слышал, сейчас уже не вспомнить, но не в кино. Она тогда произвела и на него, и на того, кому была адресована, неизгладимое впечатление...

– Понял. – Наглость философа без денег и сигарет исчезла даже раньше, чем Силов закончил фразу. К тому же Виктор, почти не дав себе договорить, нажал клавишу на дверной ручке – стекло медленно и уверенно поползло вверх. Ночной шум исчез, вместе с ним исчезли и эти двое, даже испуганное «понял» осталось там, в ночи «Живых и мертвых» – в салоне этого уже никто не слышал.

Тротуар очень быстро опустел, двое свернули за угол дома... Николай молчал, сложив пухлые кулачки перед лицом. Силов сходил с ума от восторга. Чем ему дальше заниматься, он знал, но заканчивать этот день ему не хотелось. Вообще не хотелось ничего! Ни пить, ни курить, ни говорить – Виктор растворился в сегодняшнем вечере без остатка, – так чувствуют себя сидхи у подножия Гималаев – полное слияние с собственным космосом. Вечность текла перед ним...

– Бля-а-а, это он! – Николай зашептал-зашипел прямо в ухо Силу. Тот вздрогнул – в мертвой тишине салона и умиротворения живых и мертвых Гималаев это шипение заставило Виктора вздрогнуть. Он повернулся к толстяку и увидел, как тот нервно дергает пальцем, указывая куда-то за пределы машины. Силов посмотрел – перед ними стояла машина, оттуда уже вылезла мужская спина с красным шарфом – она шла по тротуару и курила...

– Он?

– Да, бля – шарф красный! Он, он... – Николая даже побрасывало в машине от жажды мести.

– Спокойно, Коля. – Силов опустил стекло, стало свежо. Шаги темной спины и красного шарфа спокойно постукивали по ночной тишине.

Виктор, чтобы как-то продержаться еще некоторое время, вышел из автомобиля. Меньше всего ему хотелось вернуться в машину и уехать домой. Два-три глубоких вдоха по своей привычке – вот и спина исчезла за поворотом...

– Ну, теперь поехали, – нехотя и с очевидной досадой процедил Силов и повернул ключ зажигания. Праворулька-не-праворулька, а завелась мгновенно и тихо. Обещая не нарушать, Виктор не стал разворачиваться через сплошную, а проехал метров пятьдесят туда, где от дороги шел поворот к дому, там повернул.

Какой-то шум и крик разрезали ночь – голос мужчины не кричал, он орал-визжал. Николай и Виктор оглянулись назад. Тени, прыгающие от света вывесок и одинокого фонаря, – все, что можно увидеть.

Мужчина кричал, его били... Стихло так же неожиданно, как и началось. Какие-то силуэты мелькнули несколько раз, попадая в свет парикмахерских, аптек, алкомаркетов... Кто-то уже мчался подальше от происшествия. Одна тень упала, с трудом поднялась и побежала дальше. Еще несколько секунд, и все стихло. Вдруг залаяла собака из окна одного из домов.

Все... Тишина больше не нарушалась...

Все это время Силов смотрел в сторону крика, ничего не понимая. Выручил Николай:

– Спасибо, бляха... спасибо! Ну, ты крутой, Виктор Силов!

Николай тербил его за пиджак так активно, что Силов машинально дернул полу из рук счастливого рогоносца.

Он смотрел на Николая и ничего не говорил. Если раньше можно было сказать, что Силов протрезвел, то сейчас нужно говорить о том, что он вообще никогда не пил! Сейчас он только молчал и смотрел на Николая!

Анализировать Виктор ничего не мог, он мог только смотреть, и если бы ему можно было исчезнуть волшебным образом, то он сделал бы это, даже не разворачивая машину. Гималаи сменились совсем другими горами...

– Иди посмотри. – Виктор напрягся и произнес несколько слов, которые для Николая были приказом.

– Я боюсь...

– Не ссы, иди... Я подожду...

Круглый Николай разбух в машине и тепле – еле-еле вылез и, все время оглядываясь, поплелся туда, откуда кричала его жертва.

В песочнице валялся красный шарф. Рядом с ним лежал тот самый мужчина, фотографию которого Николай носил в своем телефоне. Голова была размозжена до неузнаваемости. Труба, которая прекратила ад Николая и жизнь владельца шарфа, валялась рядом. Он даже и не дошел до песочницы – все было ясно, и внутри круглолицего затеплилась радость. Радость простая и даже маленькая – но это была радость. Толстяк развернулся и побежал обратно.

Он бежал к машине с той скоростью, которая позволяла этому круглому телу. Силов включил зажигание и не сдержал обещание – автомобиль-рухлядь-праворулька исчез из «живых и мертвых» ... Николай бежал за машиной и через несколько секунд потерялся в ночной темноте.

Дрожащими руками Сиров вставил ключ в дверной замок и несколько раз повернул – в квартире пахло спокойствием. Фильм давно уже кончился, и телевизор вместе с ноутбуком светились традиционным синим светом на всю комнату. Лиза спала... Виктор прошел в кухню, сбросил пиджак, нашел в темноте шкафчика бутылку коньяка и долго-долго высасывал из нее хоть какое-то успокоение. Есть совсем не хотелось, но Сиров зачем-то открыл холодильник и долго смотрел, что можно найти, чтобы как-то заглушить внутреннее биение. Голова безвольно моталась, пытаясь сосредоточиться, но у нее не получалось. Она упала на грудь и тупо смотрела в пол... Внизу на полу валялись тысячерублевые купюры... «Деньги», – сообразила голова и нагнулась за ними. Тело не выдержало, и Сиров рухнул рядом с деньгами и пиджаком.

VI

Самый живой город в мире – Питер. Даже тогда, когда он был Ленинградом. Москва – город не такой... В Москве приехал на Казанский вокзал, ошалел от простора, нырнул в метро и где-то на «Текстильщиках» вышел. На кухне сидишь с другом и совершенно не ощущаешь, что это Москва. А друг все время поучает – «ты тут осторожнее, это тебе Москва». И веришь этому, и не веришь...

В Питере даже за Черной речкой понимаешь – Питер: другие люди, другой воздух, питерский, просто от центра города далековато. И никто не учит жить... Молодежь советская валила в эти два города как чумовая. Тут была жизнь – разная, но настоящая. В дальнейшем и вырастали – кто с питерским чувством, кто с московским мышлением.

Виктор был «питерский»... Так получилось, что каждое студенческое лето консерватории он ездил в Ленинград к тетке в Автово и жил там, наедаясь на целый год необъяснимой едой. Он ходил по улицам и воображал, что живет здесь давно – это его город, и он просто гуляет. Виктор мечтал... Мечтал изо всех сил жить в этом городе, но приходил конец августа, и эта мечта уезжала в плацкарте в свой мирок фальшивой музыки и провинциальных забот. А пока – июнь – июль, белые ночи... Днем улицы, скверики, подвальные столовки, Петропавловка. А вечером танцы в Молотке – так назывался Дом культуры имени Серпа и Молота. В Молотке собирались люди попроще – поискреннее, что ли... Почти через ночь можно не возвращаться к тетке в Автово – девчонки Питера не ломались, не строили недотрог. Хотя необязательно знакомство доходило до койки, но ночь всегда была чувственна, тепла и болтлива. Важно было только одно – найти девушку с Петроградки, Васильевского, Охты... Тогда ночлег, романтический или просто чай до утра, тебе обеспечен. У женской части Питера не

принято прощаться у подъезда ночью, когда уже разведены мосты, а ты живешь, скажем, на Сенной. Этим можно было пользоваться сколько угодно – приглашение домой с предварительным предупреждением или без него было практически протокольным.

Имя стерлось за давностью, но тогда в кровати лежала прекрасная и открытая кудряшка и все время смотрела в глаза. Громко говорить было нельзя – стены коммуналки питались подобными историями, – говорили шепотом и не включали свет. В окна лилась белая ночь – больше ничего не нужно было... Где-то в глубине дома неожиданно закричала си-бемоль-мажорная кварта: «Союз нерушимый» оповестил мир, что уже шесть часов утра.

– Сейчас спи, – девушка сидела на краю кровати и натягивала майку с Микки Маусом. – Часов в двенадцать все уйдут, и ты можешь спокойно выйти. Или, если хочешь, жди меня – я в четыре вернусь... Ладно, любимый, как хочешь, так и делай. Но часов в пять-шесть встретимся?.. Ключ брось в почтовый ящик.

Кудряшка сняла с себя золотую цепочку с крестиком и надела ее на шею парня. Слегка отпрянув, девочка смотрела на лежащего с полузакрытыми глазами избранника и улыбалась всей своей надеждой и молодостью.

Хлопнула дверь, за стенкой прозвучали радостные «здрости, тетя Катя», и потом еще, уже дальше: глухо хлопнула другая дверь – массивная, старая, огромная...

Силов провалился в сон...

Цепочка ушла в ломбард, а где крестик – уже не вспомнить... Дом, в котором была ночь с гимном, не найти, да и не нужен он совсем. Кудряшка была лимитчицей со стажем и работала на какой-то фабрике. Это не устраивало Силова, его снова влекло на танцплощадку... Правда, в Молоток идти нельзя – ну, есть «Первой Пятилетки» на Петроградке для этого.

Где-то через неделю, дней десять, на эскалаторе метро раздался голос: «Эй, подлец! Привет!»

Маленькая соломенная кудряшка спускалась в метро и махала рукой Виктору, который машинально обернулся на крик. Он смотрел на девушку, а девушка смотрела на уезжающего наверх любимого и, кажется, плакала...

Так тридцать лет назад появился тот Силов, который сейчас лежал без сознания на кухне у открытого холодильника.

VII

Дня три Виктор не поднимался с постели. Не мог... В первый раз он заметил в себе эту странность – в минуту высшего напряжения отнималось всякое сознание, и только сон в забытых одолевал его – в первый раз, когда он пролетел на экзамене при поступлении в консерваторию. Когда он прочитал список поступивших и, не найдя себя, сумел дойти только до подоконника между двумя пролетами лестниц. Тогда он забрался на этот подоконник и тут же уснул. И только почти под утро его разбудила уборщица...

Нынешняя ситуация была покрепче – Силов не мог вспомнить ничего: какое сегодня число, сколько он спал, ходил ли в театр. Проснувшись, Виктор еще долго лежал недвижимо и только потом открыл глаза. Вся комната была залита солнечным светом. Он осмотрелся – в одних трусах он лежал под одеялом, не понимая, не помня, как он очутился в квартире и что было перед тем как он заснул. Потянувшись к спинке стула, Силов полез в карман за телефоном. Карман был полностью напичкан купюрами в одну тысячу рублей! Телефон оказался в другом кармане. Но смысла в нем не было никакого – разряжен и отключен. Виктор нажимал на кнопки, пока не сообразил, что надо найти шнур от телефона... Он приподнялся на кровати и медленно вращал головой – или искал шнур, или вспоминал, где он мог быть. Хвостик шнура валялся на полу у кровати – это Силов заметил. Он подключил смартфон и терпеливо ждал... Через минуту появилась эмблемка батареек с тоненькой красной полоской. Исчезла... Вик-

тор ждал – это не составляло труда, двигаться совсем не хотелось. Да и невозможно было – он еле-еле соображал, что уж тут говорить о большем.

Лизы не было в квартире – абсолютная тишина. Виктор сидел на кровати и держал в руках телефон. Это могло бы длиться вечность, но в руках Силова заурчало, завибрировало, и серебряное яблоко на черном экране напомнило о себе...

Еще немного, и телефон включился – нескончаемое количество раз пикнул – сколько он спал? Мир, который не переставал жить, нуждался в Силове – куча сообщений и столько же неотвеченных звонков...

Наконец-то глаза уловили время и дату – Виктора не было больше двух суток – так утверждал мобильный телефон...

Два дня! Силлов безвольно поднял голову и посмотрел в окно – солнце залепило лицо, Виктор зажмурился и снова лег. Он не чувствовал ничего. Не было больно, голова, если не считать полного безразличия к внешнему, была ясная. Еще полежав минуту-другую, Силлов поднялся с кровати и пошел в ванную. По пути он вспомнил про свой традиционный стакан воды и повернул на кухню. Холодильник был открыт! Небольшая лужица у дверцы, в которой плавала тысячерублевая банкнота, – все остальное было, как и должно быть: баночки, тарелочки и овощи. Мясо Силлов не любил... Ел, конечно, но не любил...

Выпив стакан воды, Виктор вернулся в ванную – там на него уставился испуганный мужчина, очень напоминающий Силова, только стального оттенка в волосах было больше – заметно было сразу. Он смотрел на мужчину внимательно – тот тоже пытался разглядеть своего визави, но веки задрожали от напряжения, и мужик сдался – закрыл глаза и опустил голову. Сил у него не было...

В комнате раздался хор цыган вердиевского «Трубадура» – звонила Полпорции...

– Да, – Силлов испугался своего голоса. Он был чужой, низкий, хриплый, неприятный...

Полпорции Елена радостно закричала в трубку: «Силлов, живой!» По тому, как она повторяла это несколько раз, стало понятно, что вокруг нее собрались равнодушные и теперь всем, всем, всем было сказано: «Силлов живой!» Хормейстерша еще что-то говорила, но Виктор перебил ее:

– Лена, оркестровая когда?

– Послезавтра! Худрук на всякий случай поставил всю неделю хоровые репетиции и две фортепианные...

– Хорошо... Лена, спасибо тебе. Я приду на оркестровую репетицию, передай всем.

– Витя, ты в порядке? Помощь нужна?

– Нет, спасибо. Все нормально... Я заболел – что-то с сердцем...

– С сердцем? Ты что, Витя, у дирижеров сердце не болит... ты серьезно?

– Лена, спасибо, что позвонила. Послезавтра буду...

Действительно, история не знает случая, чтобы какого-нибудь дирижера схватил инфаркт, не знает... Сердечная мышца настолько натренирована многочасовыми взмахами рук, что уж сердце-то у дирижера выдержит и не такой стресс, который живет в Викторе уже третий день.

Силлов нажал на экран и положил телефон заряжаться дальше. Он стоял посредине комнаты и смотрел на пиджак, в кармане которого торчали купюры. Вытряхнув деньги прямо на пол, Силлов достал сигареты и вышел на балкон. Прохлада исчезла, и стало жарко, но жарко было приятно – плохое живое все-таки лучше хорошего мертвого. И на прекрасную прохладу кондиционера Силлов с удовольствием поменял солнечную жару. Стало немного легче... Но понять, что именно улучшилось внутри, Силлов не смог. Он сел на порог и смотрел в щель балконного заборчика – дети, деревья, трава, песочница... Виктор курил и постепенно приходил в сознание... Сейчас трудно сказать точно, что было на самом деле, а что оказалось плодом его страшного алкогольного опьянения. Что было на самом деле? Кажется, что Силлов помнил все:

но все, что он помнил, никак не связывалось во что-то единое, логическое понимание вечера своего юбилея... Иногда хотелось сказать себе: все, успокойся, ничего не было: это пьяный бред. Виктор пытался сказать себе это уже несколько раз, но натыкался на страшную стену – в комнате на стуле висел пиджак, а подле него лежали деньги! Деньги! Много денег! Этого Силов не мог опровергнуть. Он возвращался к воспоминаниям, приходил к самоутешительному решению, что это бред, и вновь натыкался на деньги... Он боялся к ним прикоснуться и, чтобы убедиться, не мираж ли это, осторожно толкнул одну купюру ногой. Купюра зашевелилась...

– Я не убивал, – Силов сам не ожидал от себя такого. Громко и хрипло-низко произнес несколько слов: – Я не убивал...

Глава вторая

I

На оркестровую репетицию Сиров пришел свежим и ярким. И даже несколько дополнительных серебряных лепестков в волосах его только украшали. Разговор с директрисой был коротким, но обаятельным: «Казните, увольняйте – я нажрался! Первый раз в жизни!»

Директриса в очередной раз создала на лице помидорку – покрылась розовыми пятнами, откинулась в скрипучем кресле руководителя, смотрела на свои ногти. Ничего в них особенного не было – обычные, недорого ухоженные ногти, раскрашенные, конечно, в разные цвета...

– Иди, – буркнула директриса, и Сиров вышел.

– Поехали кататься! – Виктор вошел в огромную оркестровую яму, заваленную пюпитрами, стульями, футлярами, протиснулся между ними к своему пульта и открыл партитуру. В яме сидело человек двадцать музыкантов – слух, что Синова не будет сегодня, теплил в них надежду. Но звучный призыв дирижера все поставил на свои места.

– Давай с третьей цифры, с валторн начнем. Почувствуем музыку, коллеги...

Сиров очень осторожно покачал кончиком дирижерской палочки перед собой, чуть покрутил ею подальше от себя, взмахнул, и яма отозвалась густым, тихим, грудным звуком двух валторн. Еще несколько поворотов кончика палочки – открылись скрипки своим нервным квартетом, взмах – и в яму ворвался царственный гобой. Оставив палочку висеть в воздухе, дирижер другой рукой подбирал к себе невидимые пары какого-то аромата, все медленнее и медленнее – затихла рука – застыл последний аккорд, палочка спустилась с небес и увела его в тишину...

Сиров посмотрел на оркестр. Рот приоткрыл, выпучил слегка глаза, в яме тихо хихикнули, и положил палочку на пульт:

– Bravo, коллеги, – Виктор тоже улыбнулся. – Ну, тогда начнем еще раз и послушаем, как иногда звучит музыка в нашем городе. Рискнем сначала?

Кто-то в яме пискнул: «Рискнем», – и Сиров обернулся в зал, приподнявшись на цыпочки, чтобы не только глаза, все лицо открылось сидящему помощнику режиссера:

– Мы готовы, ведите примадонн на сцену и попросите хор приготовиться в кулисах!

Сиров нырнул к себе, и палочка опять задышала перед оркестром. На сцену вышла местная дива – началась репетиция...

Все! Тяжесть ушла из Синова. Оставались несколько неприятных моментов, которые надо решить или сделать вид, что они решены. Первое – Лиза! Эта кукла видела Синова валяющимся на полу среди денег и невменяемости. Наверное, он что-то говорил ей, что-то делал – ведь проснулся он в кровати, без брюк и майки... Пиджак висел на стуле, деньги были сложены в карман. А Виктор очень четко помнил, что сознание он потерял в тот момент, когда нагнулся за купюрами, которые выпали из пиджака... Нагнулся – и все! Дальше он не помнил ничего! Сейчас Лиза абсолютно та же, что и была прежде. «Она что, не видела меня, что ли, в кухне на полу? Не может этого быть! Она что, не снимала с меня одежду, что ли? Я себя не раздевал, я упал. Если бы я разделся потом и лег в постель, то сделал бы я это сознательно и, стало быть, помнил сейчас» – так думал Сиров и никак не мог смириться с тем, что Лиза оказалась свидетелем его обморока, денег, пьянства, наконец. Он даже возненавидел жену за то, что она оказалась в тот момент в квартире, когда он вернулся домой.

– А может, ее и не было вовсе! То есть она вернулась позже меня. Пришла и увидела... Сняла одежду и переложила на кровать... Не может этого быть! Ведь тогда было как минимум часа два или три ночи. Она должна быть дома. Значит, она видела, как я вошел, выпил коньяк

и свалился. Видела! Может быть, что-то спрашивала меня, невозможно представить, чтобы она стояла, смотрела и молчала! И не спрашивала ни о чем потом, когда я пришел в себя! – Виктор бесился и не знал, что предпринять. Он начинал тихо расправляться с Лизой в своих мыслях. Просто ненавидеть ее Сиров уже не мог. Ему нужно было расправиться с женой за ее свидетельство. Он не мог согласиться, что есть в мире человек, который знает про его обморок и деньги!

– Деньги! Да, вот это второй страшный вопрос: деньги! Как они оказались у меня в кармане? Я же не брал их даже в руки! Когда это жирный всучил их мне, да так, что я и не заметил! И деньги эти – плата за убийство, которого не было... То есть как не было?! Или – не было? – в очередной раз Сиров вернулся к тошнотворному вопросу. До конца он так и не понял – в реальности ли происходило убийство, которое так чудовищно совпало с разговором с этим кругломордым Николаем, или это все-таки мираж, наваждение какое-то, которое разыгралось в больном мозгу, когда он напился. Блин, может, и Николая этого не было? Все это только бред!

Опять всплыла мысль о Лизе: «Если это бред, да еще так отчетливо мной понимаемый, то Лиза видела меня, была рядом, когда бредил! А я мог говорить все, что угодно – даже то, что это я убил того мужика, за которого получил деньги!»

– Деньги! – Опять вернулось прежнее беспокойство. – Деньги – это же не бред!

Вон они, лежат в пиджаке, который висит на стуле! Деньги – не бред! Значит, про деньги Лиза ничего не знает! Или знает? Где этот Николай? Он был у меня? Или не был! Как спросить? Эта маленькая идиотка молчит, черт бы ее побрал... Молчит, и спросить больше некого.

Виктор сидел на скамейке у театра и не знал, куда себя девать до вечернего спектакля. Хотя где бы он ни находился сейчас, мысли были бы теми же.

Сигареты кончились, он пошел к машине. Возле дома Сиров никогда не парковался – редко-редко. У театра было надежнее, и идти до дома несколько минут. Открыв салон, он достал новую пачку сигарет, сел в машину, не закрывая дверь. Неожиданно Виктор выскочил из машины и открыл багажник. Тот был пустой, но Сиров долго смотрел, хотя разглядывать в багажнике было нечего. Как-то облегченно ухнув, хлопнул крышкой багажника.

«Живые и мертвые», – пронеслось в голове Сирова, и он поехал в этот проклятый район.

Вспомнить место он не мог. Зачем-то включил телефон и стал смотреть фотографии. Адреса не было, он тогда просто повторил за Николаем – это Сиров помнил. Руки дрогнули – с экрана телефона на него смотрел мужчина с бокалом в руке на фоне какой-то Австрии...

Виктор ходил вдоль домов и старался вспомнить хотя бы очертания домов, дороги и поворота, за которым скрылись два идиота-убийцы и этот, в красном шарфе... Ничего не вспоминалось... Сиров сел на скамейку у автобусной остановки и закурил.

– Зачем я сюда приехал, только светиться, и все! Что значит – светиться? Я убийца, что ли... Кому я здесь нужен... Тогда на хрена приехал сюда? – Сиров говорил сам с собой, скандалил, ворчал, соглашался, спорил. Иногда мысли прорывались, он говорил вслух. Сам пугался голоса и на некоторое время замолкал...

– Что ты тут расселся?

– Автобус жду...

– Слепой, что ли? Вот написано, что остановка перенесена к дому шестьдесят четыре...

Сиров смотрел на маленькую женщину, почти старушку, во всяком случае, еще года два-три, и получится классика, которая везде сует свой нос.

– Спасибо, а где этот дом? Шестьдесят четвертый?

– А за парикмахерской, за углом сразу.

Парикмахерская! Сиров вспомнил светящуюся надпись «Парикмахерская», вспомнил... «Надо было сюда ночью приехать – узнал бы», – подумал Виктор и зачем-то вслух сказал:

– Шахматный клуб...

– Ну! Вот перед ним и остановка. А ты тут расселся и ждешь, – будущая старушка захихикала. – Там, милый, там остановка. Там третьего дня убийство было, почти рядом с остановкой. Вовку убили...

Силов вскочил со скамейки в сторону новой остановки. Он шел быстро и зачем-то оборачивался. Старушка шла за ним, но медленно – ей совсем не нужно спешить. Виктор занервничал: «Зачем она за мной плетется?» – и тут же сам себе ответил, что она не плетется за ним, а идет своей дорогой...

Он ускорил шаг, но потом неожиданно развернулся и почти побежал к женщине.

– Этого? – чуть хрипло проговорил Силов, показывая в телефоне фотографию парня с бокалом.

Старушка отшатнулась – так близко рассматривать ей не позволяла дальноточность. Но, отпрянув, она внимательно посмотрела на экран телефона и кивнула:

– Его, милого... Блядун был, прости господи...

– А кто убил?

– Мужик, чью бабу попиливал, кто же еще! А ты откуда его знаешь? Тоже рога наставил? – продолжала идти старуха-молодуха, Силов плелся за ней.

– Ничего подобного, – он даже покраснел немножко от возмущения.

– А! Мент, значит...

– Менты уже в Союзе закончились, мадам, сейчас полиция.

– Ну, ищи, полиция, ищи...

– Да я не полиция, я просто интересуюсь, и все. Нашли его?

– Кого?

– Ну, мужика того, который убил?

– Щас, разбежался... Это полгорода надо обойти. У Вовки баб чужих было столько, сколько ты огурцов не ел. Да еще, наверное, и свои были.

Силов остановился. Идти дальше он просто не мог. Старуха, не обращая внимания, шла дальше и постепенно исчезала из мыслей Виктора. Он вернулся к машине.

II

Дома он долго и упорно смотрел вместе с Лизой какой-то сериал. Лиза не приставала ни с вопросами, ни с лаской. Как обычно, в мужской рубашке, она сидела на краю кровати и внимательно следила за происходящим на экране. Силов тупо смотрел в одну точку...

«Как начать спрашивать? – Виктор искоса смотрел на Лизу. Та, совсем не обращая внимания на мужа, шевелила губами, повторяя слова героев сериала. – Неужели не надоедает?» – еще немного потерпев, Силов тихо позвал:

– Лиза...

Девушка очнулась, поискала пульт по кровати, выключила телевизор и села на пол прямо перед Виктором, так близко, что подбородок ее почти касался коленок мужа. Силов не ожидал, он машинально обнял ее лицо руками:

– Лиза... Я тут надрался, как свинья... Ты молчишь, что-то случилось? – более нелепого вопроса Силов не мог придумать. Лиза молчала и просто улыбалась в ладонях Виктора. – Случилось? Лиза, расскажи...

– Ты позавчера мне напомнил моего отца, только я была совсем маленькая тогда, совсем маленькая, но почему-то это хорошо помню. Он сидел пьяный на кухне, и меня подвела к нему мама, не знаю зачем. Он тогда поднял голову на меня, приподнял за подбородок и, чтобы я не выскользнула, большим пальцем держал меня за нижние зубы. Было очень больно, но я терпела, и мне нравилось, что он говорит со мной, как со взрослой... Он тогда потянул меня и сказал: «Вырастешь, всегда так стой перед мужчинами. Это у тебя получится лучше всех!»

Потом он ушел, я никогда его больше не видела, – Лиза очень легко потерлась щекой о ладонь Виктора, – ты вчера точно так же меня взял...

– И что сказал?

– Ничего, – Лиза еще больше улыбнулась, – я же уже выросла и стою перед мужчиной...

Внутри Силова что-то пискнуло, вскочило, завертелось... Он подхватил Лизу, прижал ее к себе и упал на кровать. Девушка поджала ноги и, как младенец в утробе, прижалась к груди и животу Виктора. Совершенно неожиданно, просто сумасшедше неожиданно, Лиза стала издавать какие-то тихие высокие звуки-ноты, стоны какие-то, но стоны легкие-легкие... Силлов хотел даже переспросить, что случилось, но вдруг он услышал в попискивании Лизы музыку Верди – первые такты арии Манрико. Они всегда были самыми загадочными во всей опере – начинались за кулисами, – только звук, самого трубадура не видно. Со всей силы Виктор прижал к себе Лизу – он вскрикнула, Силлов ослабил руки – звуки-писки опять зазвенели по комнате маленькими прыгающими светлячками.

Виктор осторожно снял рубашку с Лизы и посадил ее на себя. Лиза продолжала издавать тоненькие звуки, Силлов запрокинул руки за голову, смотрел на нее. Девушка плавно покачивалась, как легкая лодка в тихую погоду озера, поскрипывали уключины весел – это появлялась нота изнутри жены. Звуки стали длиннее и увереннее – Силлов отчетливо слышал мелодию, знакомую, и странно знакомую. Его словно подбросило током – Лиза выводила «Яблоки на снегу» композитора Мишки Муромова! На последнем курсе консерватории к ним пришла российская звезда прослушивать молодые дарования – Силлов дирижировал ансамблем... Потом до утра Мишка и Силлов пили в Доме актера – и, чтобы весь мир знал, что в кабаке сидит великий Муромов, целый вечер гоняли караоке с «Яблоками на снегу». Мишка Муромов не выдержал:

– До блевотины!.. Витя, не желаю я тебе такой славы!

Силлов вскочил, отбросил Лизу, оделся и вышел. Только в подъезде он обнаружил, что совершенно случайно схватил этот клятый пиджак, тот самый, в котором до сих пор лежали деньги...

– Сучка какая! – Виктор уже не ненавидел жену, не презирал, он брезговал ею...

Дойдя до театра, Силлов выложил деньги в сундучок под сиденьем пассажира, хлопнул сигнализацией, вышел на улицу, по которой он ходил в ресторан Дома актера. Дойдя до урны, он остановился: что-то скользкое и холодное пронеслось внутри Силова... Воспоминания противные, это ясно. Но вернуться в прошлую жизнь Виктор не хотел, не мог уже всем своим существом. Та новая жизнь, которая мелькнула три дня назад, перевернула все на свете, хотя Силлов и понимал, что это лишь чудовищное совпадение – убийство того мужика в красном шарфе. Да и настрадался он сполна за это совпадение, что тут говорить... Он не убивал, он не может жить как прежде, он не знает, как жить иначе – первая попытка не получилась. Силлов устал не понимать! Не понимать себя и не понимать жизнь!

– Хорошо... Себя я могу понять – мне отвратительна вся эта бессмысленная суета с театром, с Лизой, с музыкой... Юношеское очарование исчезло – давно исчезло и по инерции делало вид, что оно существует и что жизнь прекрасна... А жизнь – это гадкое единство и борьба! Да еще и противоположностей! Вот что такое жизнь! Своей жизнью обосрать жизнь ближнего – вот жизнь! И уже не докажешь, нет, обратного... Что есть цели, прекрасные цели, которые приведут тебя к счастью! Ложь! Все ложь! Правда в том, что есть те, кому разрешено иметь цели, достигать их и становиться счастливыми! А есть такие, которым это запрещено. Нет, не запрещено, конечно... Мечтай и стремись сколько хочешь, пожалуйста. Только это никому не нужно и даже противно. И будь ты хоть тысячу раз талантлив и тонок – ты не нужен именно с этими своими сраными способностями. И термин даже для тебя придумали – «непризнанный гений»! Хороший термин, правильный, честный! Ты гений, но ты на хер никому не нужен!

Силов вспомнил, как более тридцати лет назад он и Сашка Попов катились в плацкарте в Питер в консу на композиторский. Два друга, два скрипача и пианиста, полные радужных планов – художественных планов, настоящих, лежали на верхних полках и перемигивались. Все только начиналось – они сочинили даже дирижерство в четыре руки, когда музыка звучит от одного маэстро, а хор поет в слабую долю оркестра и им дирижирует другой гений, который слышит нежность оркестра. Сашка и Силов у себя в музучилище даже один раз попробовали нечто подобное, записали на хороший диктофон и отправили в Союз композиторов СССР. Но диск потерялся в пути и не дошел, или там в Союзе не поняли ничего. Ответа не было, друзья решили, что все дело в том, что СССР уже заканчивался и в Союзе композиторов сейчас не до них – молодые дарования самостоятельно должны пробивать дорогу.

Они ехали в плацкартном вагоне, и засыпающий Силов мечтал: мальчишка, простой мальчишка из не очень глухой провинции едет в Мекку музыки и архитектуры – в Питер, где каждая собака осенью стихи пишет, гуляя в Летнем саду.

Виктор знал, что, кроме него с Сашкой, в этом же поезде ехали выпускники музучилища разных факультетов, кто в плацкарте, кто в купе. И сколько еще таких поездов катят сейчас по всей стране! Все ехали покорять Питер, умирающий СССР, мир, вселенную. Засыпая, Силов думал, что всем места не хватит, представлял тысячи поездов, змейками ползущих со всех концов в столицы – и внутри молодые музыканты, и у каждого из них есть мечта!

А места не хватит не только некоторым, никому места не хватит. Потому что не имеют права на это место... Право на это место имеет только один из всей тысячи убежденных, что он гений и имеет право!

Силов опомнился только у ресторана – ноги машинально остановились перед входом. В открытую дверь доносились аккорды любимых народом яблок на снегу, ягод-малин, белых берез...

Виктор не вошел – ресторан все еще держал в нем ужас попытки новой жизни, он прошел вдоль окон, заглядывая в каждое... У последнего окна Силов остановился... Оно было закрыто – никто не курил за его любимым столиком. Виктор прижался к стеклу – вот это да! За столиком сидели красномордый Николай и еще несколько человек!

Виктор отпрянул от окна и рванулся к театру, машине, подальше от Дома актера...

III

Лиза спала. Силов забрался в постель, не раздевшись, укрывшись с головой одеялом. У каждого из супругов было свое одеяло... Виктор с детства вертелся во время сна и очень хорошо знал это – еще Людмила, первая жена, как-то завела второе одеяло, и ночью стало спокойнее...

Гений-полуубийца лежал, уткнувшись лицом в подушку – воздуха не хватало. Повернулся, рядом с ним лежала грудь Лизы, прикрытая рубашкой, – Силов, расстегнув пуговицы, открыл ее. Лиза не шелохнулась – Виктор знал, что никакой реакции не будет...

Он смотрел на грудь, его собственность, поэтому алчности не было...

«Жирный! Сука, ищет меня! Зачем? Он дал мне деньги – я ему ничего не должен! Не должен!»

Силов сжал грудь Лизы так, что она вздрогнула и проснулась!

– Вставай, девочка, – Виктор никак не мог назвать ее иначе – женой, другом... В лучшем случае – Лизой, – поехали!

Девочка послушно оделась. В машине у ресторана Силов достал из-под ног Лизы деньги, пересчитал и медленно проговорил:

– Зайдешь, там направо – две пальмы. У окна сидят три мужика – круглый, в очках, – Николай... Подойди к нему и положи деньги. Все! Поняла?

– Да.

Лиза открыла дверцу и вылезла из машины. Как это она делала! Где этому она научилась – выставив одновременно две ноги на асфальт, девушка оперлась на плечо Силова и, приподняв себя, продвинулась на краю сидения. Все остальное – техника и органика...

Виктор сдал машину немного назад, чтобы точно видеть встречу Николая с деньгами. Вошла Лиза! Он никогда ее такой не видел! Метра за два до столика она остановилась и что-то громко проговорила! Громко – в зале несколько человек обернулись, – по губам было понятно, что она назвала Николая по имени. Кругломордый встал – Лиза, она была еще ниже этого колобка, поднялась на цыпочки, длинными пальцами отвернула подбородок Николая в сторону и что-то прошептала ему в ухо. Толстяк не успел отреагировать, как в руке Лизы появились деньги – она спокойно, не отводя лица от уха, продолжала что-то говорить и вложила в протянутые руки Николая толстую пачку купюр. Очкастый слушал (Лиза не переставала говорить), сжал деньги в кулак и сел на место. Девушка осталась в той же позе – цыпочки и руки – одна у ушедшего уха, другая вкладывала деньги в протянутые ладони... Медленно опустившись на пятки, Лиза повернулась и пошла к выходу – руки продолжала держать так же, как и при Николае. Зал провожал девочку завистливо по-мужски, осуждающе по-женски...

Эта ночь осталась у Силова в воспоминаниях как самая прекрасная в жизни! Он ни на секунду не терял контроля над собой – он был весь в этой ночи. Лиза по привычке своей спала, а Виктор сидел на кровати, рассматривал свою жену и боготворил ее в этот момент.

Но уже под утро, когда стало совсем светло, Силлов решил, что больше Лиза ему не нужна, ее надо бросить, забыть, убить... Он стал бояться ее – и это Силлову не нравилось...

IV

В примерке раздался звонок. Это было редкостью – просто уже не вспомнить, когда это было в последний раз. Трансляция работала громко и круглосуточно, Силлов всегда успевал к началу, успевал к репетициям и специально вызывать его никогда не приходилось... Сейчас репетиция кончилась, Виктор переодевался в свою обычную одежду.

– Да? – дирижер удивленно спросил трубку.

– Виктор Викторович, к вам люди какие-то, – вахтер не понимал, что и как правильно сказать Силлову.

– Какие люди?

– Из газеты, говорят, – похоже, что сам вахтер мало верил тому, что говорит.

– Хорошо, через пятнадцать минут я выйду. Пусть ждут у служебного...

Силлов повернулся к зеркалу – он верил ему больше, чем самому себе. На него смотрел нормальный мужик, разве что немного глаза бегали. «Понял», – сказал Силлов себе самому и полез в ящик гримерного стола. По давней традиции театра все спиртное нужно было хранить только в нижних ящиках, этого придерживались все без исключения. Виктор уж точно не хотел быть таким исключением, тем более в таком вопросе.

Достав коньяк – у Силова не могло быть пустого ящика – и сильно глотнув, дирижер вышел в коридор для встречи с газетой!

У входа стояли-курили две певички из хора, чуть подальше – трое мужчин: Виктор их видел раньше, в Доме актера – это был Николай и с ним два прежних мужика.

– Силлов! Виктор Силлов! – Николай улыбался предельно искренне и, подталкивая вперед своих друзей, шел к Виктору. – Давай отойдем отсюда?

– Давай! – Силлов по-настоящему испугался...

Все четверо появились в ресторане Дома актера неожиданно. В это время никогда никто сюда не заходил: все бизнес-ланчи были рядом – вкуснее и дешевле, а больше в полдень или чуть позже от нечего делать в ресторанах...

Один из мужчин, как потом оказалось, Борис, заказал люля, салаты и водку. Силов всегда думал, что коньяк – самый распространенный напиток среди людей, пьющих в ресторане. Ошибся... Когда подошла официантка и приняла заказ с салатами и водкой, вопросительно посмотрела на Виктора – тот кисло улыбнулся и сказал:

– Как всегда, только без водки – у меня вечером спектакль...

Борис, как только ушла официантка, перешел к делу:

– Виктор Викторович, давайте профессионально... Я готов обеспечить гонорар, Николай уже сказал мне суть вопроса... Что вам необходимо, чтобы начать действовать?

Силов изо всех сил пытался сохранить спокойствие. Самое страшное, что крутилось в его голове, мгновенно испарилось – сейчас он сидел перед своими палачами и понимал: все только начинается...

– Парни, – выдавил из себя Виктор, – вы ошиблись... Я не имею к этому никакого отношения. Я работаю...

Борис не дал договорить; держа вилку как указку или даже дирижерскую палочку, он взмахивал ею в такт своему голосу:

– Вы это круто придумали, маэстро! Кто заподозрит дирижера в каком-то преступлении? Никто!

– А вы хотите меня заподозрить?

– Нет, на фига нам это надо... Нам нужна помощь, мы пришли с конкретным предложением. Здесь, – тут Борис выложил на стол толстую кожаную борсетку, – все, что нужно. Информация и деньги. Когда поймете, что это за тип – вы сами захотите с ним расправиться.

Третий, высокий, чтобы не сказать длинный, рыжий полупарень-полумужчина, если судить по одежде, остановил мстителя:

– Подожди, Борис, – так Силов узнал, что второй был Борисом, – подожди... Виктор Викторович, все понятно, извините нас, что мы так нагло начинаем с вами разговаривать. Просто очень рады, что есть в городе человек, который может помочь решить наши проблемы. Это здорово, мы вам больше не будем надоедать. Я только скажу: что если вы поможете нам в этом деле, то весь торговый бизнес города и области вздохнет и скажет вам спасибо! Там, – рыжий указал на борсетку, – все четко написано, что это паскуда! Главное, нельзя ничего решить нормальным путем: у него друзья в полиции и во власти. Они там на его взятки и живут – им нет дела до местных. Ну, вы по роже поймете, какой это чувак-чурбан. Там есть всё: где бывает, что делает, какая охрана... И помните, собирали всем миром вам на гонорар.

Рыжий чуть-чуть заикался. Когда он договорил, все поняли, что лучше закончить разговор. Первым встал Борис. Николай нагнулся к Виктору:

– Там и мои деньги лежат. И аванс ваш, и вторая половина. Я честный человек, обманывать не буду. Они в конверте, отдельно. Еще раз спасибо, Виктор Силов, огромное спасибо. Мы с женой в отпуск сейчас собираемся...

Длинный теребил Николая за пиджак, все трое удалялись, Борис сбегал в сторону кухни – через минуту он вернулся и, проходя мимо Силова, сложил пальцы обеих ладоней в о'кей – мол, за все заплачено, ешьте, Виктор Викторович...

– Подождите, – Силов сказал так, что все трое вынуждены были обернуться и остановиться. Длинный рыжий остановился ближе всех и ждал, что скажет Виктор. Нервничал он, кажется, больше остальных, это Силов заметил. Заметил он и то, как пальцы левой руки рыжего дергались почти у самых колен. Чаше всех дергался безымянный, да так, что сам долговязый не выдержал и спрятал руку в карман пиджака. От этого он стал еще нелепее – борт синего пиджака оттопырился, обнажив клетчатую рубашку, заправленную в брюки под ремень.

Рыжему было непросто. Совсем не так, как Борису – тот стоял спокойно и даже улыбался. Обычный пузатый тяжеловес, разве что щеки, как брыли у немецкого боксера, свисали ниже подбородка. Глазки маленькие, но смотрели точно и уверенно. С этим взглядом и встретился Силов...

– Хорошо, – Виктор произнес свое «хорошо» точно в той же интонации, что и «подождите»... Трое, не говоря ни слова, скрылись в жаре июльского бизнес-ланча. Официантка уже расставляла люля и салаты на столике:

– Все съешь, Витя Витевич?

– Съем...

До спектакля было еще часа три, и что делать Силлову с мясом, салатами и борсеткой, он не знал.

– Заверни-ка это все мне с собой, – совершенно неожиданно решил Виктор. – Пиво оставь себе, а водку поменяй на коньяк. Тебе нормально заплатили? Если что – я добавлю.

– Нормально...

Официантка складывала в пакет еду, Силов ждал. Зачем ему этот пакет, да еще с мясом?

– Идиот! – Виктор выдохнул и поднялся с места.

У знакомой урны он постоял немного – вероятно, хотел выбросить еду, коньяк или даже борсетку, но не выбросил ничего, а пошел дальше, к театру. В гримерке Силов открыл пакет, достал салаты и стал есть. Голод и нервы взяли свое – чтобы не заснуть от напряжения, Виктор усиленно ел, время от времени поглядывая на коньяк. В конце концов он не выдержал и глотнул из бутылки.

Сытый Силов курил в щель открытого окна в гримерке и смотрел на огромное портмоне, что лежало на гримерном столике. Сумочка была увесиста и пузата. Докурив, Виктор залил окурочек водой из-под крана, бросил его в баночку от клубничного варенья. Там вместо клубники давно лежали такие же окурки... Он наконец-то решился открыть борсетку. В сумке лежали три конверта: тонкий, толстый и очень пухлый. Последний был уже не конверт, а небольшой пакет. Про тонкий Силов понял сразу – деньги Николая. А вот два остальных были непонятны. Пакеты были не запечатаны, и Виктор потянул пальцами уголок большого конверта... Там лежали деньги – шесть пачек новеньких банкнот, перетянутых специальной банковской лентой. На каждой из лент, что опечатывали пачку, было написано: пять тысяч рублей, умноженные на сто. Иными словами, в каждой пачке было по пятьсот тысяч – три миллиона рублей лежали перед Силловым.

Он рванул к двери и вытащил ключ с той стороны, закрыв дверь, дважды крутнул в замке – дирижер остался один на один с целым состоянием. Для Силова это было состояние. Он умножал, делил в уме, пытаясь сообразить, сколько это в долларах или евро – ничего не получалось. Понятие «три миллиона» перевешивало все способности Виктора в математике...

В сознании несколько раз мелькнула маленькая и неприятная мысль, что теперь он лично должен убить человека, но импульс этот появлялся ненадолго и намеком, чуть-чуть задерживаясь в теле. Другая, большая и жирная мысль уничтожала все три миллиона! Даже то, что через полчаса ему нужно дирижировать «Веселую вдову» Легара, не могло отвлечь Виктора от этих шести пачек...

V

Все люди делятся на две неравные категории. Одна категория, огромная, хоть раз в жизни задавала самому себе вопрос: «Если бы у меня был миллион?» Другая категория – мизерная, ничтожная, ей и в голову никогда не приходила подобная мысль. Иногда даже хочется посмотреть на этих не умеющих мечтать людей – что они собой представляют, кто они и чем занима-

ются... Посмотреть в глаза тем же, кто задает себе такой вопрос, – не хочется: они ничем не отличаются друг от друга – обычные нормальные люди. Отличаются только их ответы на этот вопрос. Здесь тоже есть категории, куда можно рассортировать все ответы, но их множество, этих категорий, – тут нельзя однозначно сказать: все хотят этого или этого.

Вот тут-то начинается разноцветие вкусов, желаний, страстей, бед, радостей – тут, собственно, и начинается жизнь! Какие только желания не заказывает себе человек! Бесконечные мириады appetitов восстанавливают справедливость, мир во всем мире, строят храмы, украшают свое жилище, помогают тем, у кого нет этого миллиона, мстят своим обидчикам или обидчикам всего человечества, разрушают жилища, города... То есть все то, что люди делали, делают и будут делать и без этого миллиона в кармане... И ничего особенного не случилось бы, если каждому дать миллион и позволить осуществить свою мечту! Нашелся бы другой с подобным миллионом, который не дал тебе никакой возможности стать счастливым! Миллионы потрачены, счастья не прибавилось!

Нельзя давать всем! Только пустая трата времени и простеньких страстей! Надо, чтобы кто-то случайно ото всех получил этот миллион и теперь, имея все возможности, осуществил то, что захочется! Тогда и мир изменится в какую-нибудь сторону, обязательно изменится, если миллион не у всех, а у избранного...

У Силова было целых три миллиона! Надо только... Но это мелочь, совсем мелочь, если считать, сколько людей ждут этого «надо только...». Почему-то тревоги последних дней исчезли, Виктор практически вернулся к своему боевому настроению: принять все как должное и жить в радости – в личной радости. Без единства и без борьбы! Не он придумал эту теорию, не ему ее опровергать.

Силов очнулся по-настоящему только в момент вальса – до этого он автоматически дирижировал, не вдаваясь в подробности музыки. И когда флейта, нежная флейта окутывала вальс, который и в жизни, и на сцене всегда был дороже денег, Виктор очнулся – продолжая дирижировать, смотрел на флейтиста – тот упоенно звучал. Силов стал держаться именно его ритма и повел за флейтой весь оркестр. После вальса, после сцены победы любви над деньгами во «Вдове» наступила малюсенькая пауза. В яме переглянулись – сегодня была музыка. Силов, вытерев пот у уголков рта, улыбался вместе со всеми...

После спектакля Силов заперся в гримборной, приоткрыл нижний ящик, где лежали портмоне и бутылка коньяка. Поискав стакан, Виктор торжественно налил себе немного спиртного, посмотрел в зеркало. Ямочки стали чуть меньше; за эти несколько дней Виктор сильно осунулся, похудел. С удивлением обнаружил щетину на лице – такого он себе не позволял никогда. Щетина была неплоха, так многие носят и многие мечтают, но Силова поразил тот факт, что он забыл побриться сегодня.

– Больше не повторится, господин миллионер, – пошутил он с самим собой. Шутить ему, честно говоря, было не с кем. Лиза не для этого создана, а друзей у Силова нет, есть только отражение в зеркале. Отражение улыбнулось...

Выпив коньяк, Виктор приоткрыл окно и закурил. Публика уже расходилась – несколько парочек оставались в театре и после спектакля – есть люди, которые не хотят сразу окунаться в свой-никакой мир, а бродят по фойе, разглядывая фотографии артистов, афиши, элементы старинного реквизита, который молодая бутафорша решила превратить в музейные экспонаты и так рьяно взялась за дело, что в театре всем понравилось и люди даже стали приносить старье в театр. Ира-бутафор с радостью принимала все подряд, тщательно отбирала для выставки, облагораживала и придумывала специальный постамент для каждого предмета. В общем, красиво получилось, молодец Ира...

VI

Силов ждало еще одно переживание – все отсрочки, которые он придумал для себя, кончились, и теперь ему пришлось доставать содержимое второго пакета – досье на своего клиента. В конверте лежала компьютерная флешка, несколько исписанных листочков и три фотографии. Начал он с фотографий: на него смотрел ровесник из федерального зарубежья, как остроумно заметил когда-то Виктор и до сих пор считал, что и острота, и суть не изменилась... На обороте было написано: Рамазан.

– Имя, – сообразил Силлов и продолжал рассматривать клиента. Для бандита Рамазан подходил абсолютно – аккуратная прическа, костюм из тонкой шерсти, в тон подобраны рубашка и галстук. «Дорогой бандит», – подумал Виктор. Ничем выдающимся Рамазан не обладал – красавчик в прошлом, а сейчас импозантный мужчина, он принадлежал к тем типам людей, для которых невыносимо слышать несогласие. Уверенность в губах, подбородке и, конечно, во взгляде.

На другой фотографии Рамазан выглядел попроще – черная майка, вместо воротника тяжелая золотая цепь, бейсболка и разноцветные шорты в пальмах-парусниках, босоногий – он стоял, прислонившись к парапету на какой-то набережной. «Не Россия», – догадался Силлов. Простота Рамазана была только внешней – опровергнуть суть на первой фотографии невозможно. На третьей же карточке была копия страницы загранпаспорта. Все, что можно было узнать из нее, Виктор уже знал, разве что новостью была фамилия, которая только подтверждала зарубежье мужчины.

Вставив флешку в ноутбук, Силлов увидел несколько вордовских документов, фотографии, три или четыре видеоролика...

Когда Лизы не было дома, Виктор открывал окна в кухне и курил там, не выходя на балкон. При всем своем властвовании над Лизой он понимал, что люди сегодня уже не выдерживают табачного дыма. Силлов курил, пил кофе, смотрел видеоролики и разбирался в документах...

Найти в городе Рамазана оказалось легко – домашний адрес, пара ресторанов, вот и все, где он бывает чаще всего, машина, загородный дом... Неизвестно только, где он работал или хотя бы числился работающим. Все понятно: перед ним настоящий хозяин жизни, о чем мечтают многие мужчины – спокойный, уверенный, навевающий страх на окружающих и зависть товарищей.

Изучив досье на Рамазана, Силлов потянулся к коньяку – что делать дальше, он не знал абсолютно. Первым делом возникла мысль взять деньги и свалить из города раз и навсегда. Куда – не имело значения. Денег достаточно, чтобы как-то развернуться, сменить паспорт и жить тихо и спокойно.

Виктор даже полез в Интернет посмотреть, как меняют паспорт, имя, фамилию... Чтобы нормально и легально – месяц! И это – в лучшем случае! Вторая рюмка коньяка опрокинулась в Силова – от денег отказываться он не хотел и не мог, скорее всего. «Они знают меня, знают про театр, про все знают – нашли же...» Отработать гонорар и свалить как версия осталось в силе, и другой какой-нибудь идеи у него не было.

Посмотрев еще раз адреса Рамазана, дирижер сделал глоток и, спрятав все конверты в борсетку, закрыв ноутбук, пошел разыскивать место будущего преступления.

Рамазана Силлов нашел быстро – проехав на своей праворулке к тем ресторанам, что были указаны, уже во втором, дебаркадере «Чайка», сидела жертва и мирно ела в компании трех мужчин и одной женщины. Силлов сел как можно дальше от Рамазана, сделал заказ – впервые в жизни без алкоголя, но зато заказал баранину и зелень – сказал, что выйдет покурить. В «Чайке» номер с пальмами не проходил – заведение было на два, а то и три порядка

выше, чем его любимый Дом актера... Пройдясь по палубе мимо окон, где сидел Рамазан, Виктор, в числе еще одной курильщицы, бродил по палубе, искоса поглядывая на столик несчастного бандита. Он был выше Силова на полголовы, крупнее, спортивнее... Это просто раздражало наблюдателя, но не больше – не врукопашную же он схватится с ним. Просто противно и завидно.

Официант прошелся по залу до окон, напротив которых стоял Виктор, и, улыбаясь, знаками показал, что заказ на столе – милости просим.

Силов ел с аппетитом, народу было совсем немного, и если бы где-то разговаривали чуть-чуть громче, чем шепотом, было бы слышно. Пятерка, что интересовала Виктора, просто ела, и никаких признаков бандитских решений, бизнес-сделок не было. Это не кино, тут просто ели. Силов закончил быстро, как едят детдомовские – мгновенно... Заказав себе кофе, спросив разрешения выйти вместе с ним на палубу и покурить, он остановился у дверей ресторана так, что дверь не могла открыться полностью. Пятеро уже рассчитывались с официантом. Силов курил не торопясь, глотая вместе с кофе запах реки – она цвела, и запах был не от «Диора», естественно. Но сейчас Виктору было не до придирки к летней жизни реки, он ждал.

В спину очень аккуратно надавили – это упиралась дверь, Рамазану и его спутникам нужно было выйти. Виктор, не оборачиваясь, сделал шаг в сторону. Пятерка прошла, и только Рамазан повернулся к Силу:

– Нормально встать можешь – люди идут, чувак!

Все четверо тоже оглянулись – если бы не слова главаря, никто бы даже не обратил внимания. А сейчас оглянулись – как-то дежурно, – просто оглянулись, и все...

Виктор дождался сдачи с новенькой пятитысячной купюры, отложил какую-то часть денег в карман, остальные – мелкие, по сто и пятьсот – подсунул под кофейное блюдо.

VII

«Сука! Ну, теперь ты попал». – Силова трясло от легкого и начальственного замечания. Он ехал к театру – вечерний спектакль никто не отменял...

Хотя до спектакля было еще часа три, сидеть дома было незачем, делать ничего не хотелось – в голове были страшная обида, досада, оскорбление, плевков в душу, в лицо...

«Ты попал, парень... Ты попал, чувак нерусский», – носилось уже не только в голове, но и во всем теле Виктора. Если бы он сейчас заглянул в зеркало, то заметил бы ввалившиеся щеки от стиснутых зубов и темные круги под глазами – желчь лилась по всем артериям дирижера...

Темные коридоры театра были пусты – никому и в голову не приходило болтаться по театру в это время. Где-то наверху пробовали себя вокалисты, Силов вспомнил, что дня два назад приехал к ним какой-то чумной педагог из Москвы – он давал классы местным примам и желающим продвинуться из сраного мюзтеатра в оперу, настоящую оперу и уж точно свалить отсюда навсегда.

Виктор добрал до бутафоров – эти работали до шести, и их мало волновало вечернее состояние ажиотажа перед спектаклем. В цеху – это громко сказано: маленькая клетушка метров пятнадцать, заваленная всем, что только можно было донести до театра, – сидели талантливая и неутомная Ира и Прокофьев. Ира клеила корону, которая совсем развалилась и недавно упала с головы короля прямо на спектакле. Прокофьев прилаживал стартовый пистолет к макету мушкета допотопных времен. Конопатая и очкастая Ира обрадовалась (она всему радовалась) приходу Силова, а начальник цеха с присущей важностью посмотрел на вошедшего и глубоко наклонил голову. То есть это почет и уважение гостю. Бутафоры народ рабочий – приход Силова их не удивил. Они любили всех, кроме директрисы и примы Ларисы – жены худрука, вредной бабы, обладающей удивительным сопрано. Это ее спасало от колкостей в спину, так умело вставляемых в театральную жизнь.

– Чё делаем? Работу работаем, товарищи солдаты? – пошутил Сиров, чтобы как-то органично влиться в коллектив, который совсем и не нуждался ни в каком вливании. – Кофе не угостите?

– У нас только растворимый, Виктор Викторович, – покраснела веснушчатая Ира и стала совсем похожа на какой-то персонаж из отечественных мультфильмов. Сиров даже вспомнил: «Антошка, пойдем копать картошку».

– Чай пей, маэстро, – из своего угла у окна буркнул старый заведующий бутафорским цехом.

– Ну, давайте чай...

Сиров прошел к начальнику клея и папье-маше Прокофьеву. Никакой он, конечно, не Прокофьев, а Василенко Петр Прокопьевич, который много лет ходил просто Прокопьевичем, но несколько лет назад с легкой руки молодого тенора, пришедшего в театр, был назван Прокофьевым. Тенор не думал острить – его музыкальный слух распознал «Прокопич» как «Прокофьев», так и повелось. Всем понравилось, даже самому Василенко. Прокофьев был легендарной личностью – он работал в муздраме еще тогда, когда она была деревянной. Сгорела лет пятьдесят назад – выстроили новый театр, и Прокофьев, пожалуй единственный, кто работал и в этом, и в том театрах.

– Ну-ка, проверь, вам не угодишь ведь, – старик протянул мушкет Сирову. – Ирка, закрой уши!

– Что проверить? – Сиров прицелился в какой-то манекен.

– Стрельни давай!

Сиров нажал на огромный курок стартового пистолета, который был мастерски спрятан в тело мушкета – грохнуло-бабахнуло так, что Виктор даже присел от испуга. Прокофьев довольно улыбался.

– Пойдет? – самодовольно спросил мастер.

– Пойдет, конечно. Но ты хочешь, чтобы в музыке стреляло? Или в паузе?

– Мое дело, чтоб стреляло, а там пусть худрук разбирается...

Ира объявила о чае, Сирову захотелось курить.

– Ты где куришь? – спросил он у Прокофьева.

– Я не курю, но пойдем, отведу тебя в бункер – там можно, только тихо.

– Я курить хочу, а не орать...

Прокофьев подхватил свой костыль, пошел к выходу, предварительно сняв связку ключей с гвоздя на стене. Гвоздь был вбит в плакат орущего буржуа времен Первой мировой войны, прямо в рот. Когда ключи висели на гвозде, было смешно.

Прокофьев шел медленно, старость брала свое, она забрала у мастера почти все, кроме разума и рук. Этим он и ценился на весь город. Его знали все, кто имел хоть какое-то отношение к работе руками. От бумажных оригами до регулировки кулачков распредвала отечественных автомобильных двигателей.

Среди бетонных стен бункера стояли два кресла от канувшего в Лету спектакля и уличная урна – кто додумался ее сюда притаранить, неизвестно. Сиров молча курил, Прокофьев молча стоял. Узловатые пальцы держались на полукруге клюки – руки старчески вибрировали на костыле, все остальное тело застыло в покое. Лицо старика было еще не восковое, а коричневое, изрезанное морщинами без всякого осознанного направления – где только можно было найти место, морщина мгновенно там располагалась, как у себя дома. Странно, очков Прокофьев не носил, и поэтому он иногда напоминал Ивана Грозного со скульптуры Антокольского – усы, правда, были меньше. Но Василенко все-таки сказывалось – Иван Грозный был немножечко запорожский казак.

Виктор решился...

– Прокофьев, – глухое эхо бункера повторило Силова, – слушай, мне пистолет нужен. Реальный... Можешь?

Старик не шелохнулся, как стоял, так и стоял. Даже колебания ручки костыля не увеличились. Постояли минуту, наверное. Силон докурил, бросил в урну окурок, допил чай. Обратного шли еще медленнее, все-таки вверх по ступенькам. Неожиданно Прокофьев остановился и, не оборачиваясь к Силону, буркнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.